

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1982

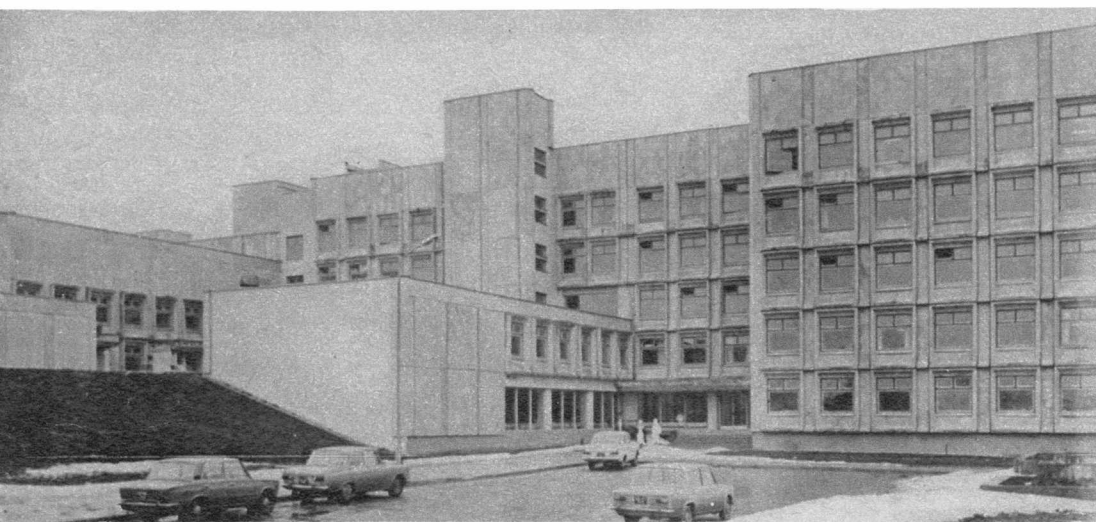

Узбекские ученицы наставницы Марии Федоровны Антиповой (в центре).

П Р А З Д Н И К

Из многих сотен лечебных, детских и школьных учреждений, построенных за последние годы на средства, заработанные в дни всесоюзных

Новая детская больница в Вильнюсе.

Дошкольный детский комбинат «Солнышко» в Сторожинце Черновицкой области.

Трудящиеся Советского Союза!
Создавайте в каждом трудовом коллективе обстановку творчества, товарищеской взаимопомощи, высокой ответственности за выполнение пятилетки!
Крепите сознательную коммунистическую дисциплину!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1982 года.

...До смены еще несколько минут, но праздник уже наступил. Он начался на весенних улицах задолго до красной субботы, расцвел город на Неве кумачом транспарантов, живет в душе счастливым, волнующим чувством сопричастности с этим всенародным торжеством.

Нынешний коммунистический субботник — первый в рабочей биографии О. Тургуновой, Х. Каримовой, А. Кушинбаевой, Р. Амонкуловой, М. Саидовой и многих их подруг из прядильного цеха ленинградского производственного объединения «Возрождение». Всего несколько месяцев назад приехали они сюда из солнечного Узбекистана на учебу: дома, в Андижане, возводят крупнейший хлопчатобумажный комбинат, которому очень нужны умелые, знающие работницы. Но своих опытных наставников там пока не хватает, и ленинградцы, как принято у нас в стране, протянули узбекским друзьям руку помощи, взяв на себя подготовку кадров для предприятий республики.

Сегодня более 450 юных посланцев Узбекистана живут и трудятся на неведомых берегах. И для большинства Красная суббота 1982 года навсегда останется в памяти как одна из самых примечательных дат: в этот день многие из них решились выехать на соревнования своих учителей.

— Честно говоря, никогда не думала, что так быстро освою совсем незнакомое дело, — говорит, улыбаясь, Омад Тургунова. — Впервые пришли в цех — обмерли: светло, красиво, а до чего же все сложно и непонятно! А нам буквально на третий день вручили по станку и так все хорошо, ласково объясняли, показывали, что второй, третий станок мы вскоре уже сами попросили. Сейчас обслуживаем по семь-восемь — стремимся догнать кадровых работников.

Да, узбекские девушки оказались на редкость способными и старательными ученицами. И хоть в лаконичном рассказе Омад все выглядит довольно просто, трудности им пришлось одолеть немалые. Незнакомый город, сложная техника, завораживающий, четкий ритм огромных цехов, совершенно непривычный для сельских жительниц мир современного высокотехнологичного пред-

приятия. Приспособиться к нему было непросто.

Но девушки возражают: — Приспосабливаться и не пришлось. Мир у нас здесь привычный — мир хороших человеческих взаимоотношений. Наши старшие подруги, уже уехавшие домой, во всех письмах сюда называют наставниц мамами. И это сущая правда: русские женщины учат наш язык, не забывают отмечать наши праздники и дни рождения, тратят свои выходные на то, чтобы сводить нас в Эрмитаж, некоторые даже пишат нашим мамам, чтобы не волновались за нас. Эта забота — главное, ну, а к технике мы привыкли очень быстро...

О том свидетельствуют и весьма ответственные обязательства, принятые юными узбечками: встав на вахту, посвященную 60-летию образования СССР, они дали слово уже к XIX съезду ВЛКСМ досрочно освоить полную зону обслуживания станков. И это несмотря на то, что таковой в объединении считается зона, в полтора раза превышающая нормативную.

— Мы внимательно изучили недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по закреплению кадров в производственных объединениях и на предприятиях текстильной и некоторых других отраслей промышленности системы Министерства легкой промышленности СССР», — поясняет Хаэт Каримова. — И решили, что лучшим нашим ответом на заботу партии будет отличная учеба.

— Хотелось бы отметить и другое немаловажное обстоятельство, — замечает директор учебно-курсового комбината объединения Валентина Сергеевна Метелкина. — После индивидуального и группового обучения девочки объединяются в бригады, работающие на один наряд. Они на практике узнают, что такое коэффициент трудового участия, осваивают передовые починки, родившиеся как в «Возрождении», так и на других предприятиях города. Одним словом, возвращаются на родину не просто умелыми мастерицами, но и специалистами, сведущими в наиболее прогрессивных, современных методах организации труда.

А довольны ли успехами своих посланцев андижанцы? — Весьма, — отвечает представитель комбината Наманджан Мирзаев. — И не только профессиональ-

ными. Ленинградская школа — школа отличных трудовых традиций, без которых бы не сложился коллектив нашего молодого предприятия. Чувство спаянности, взаимовыручки, коллективной ответственности — этому мы тоже учились здесь, в цехах «Возрождения».

Учились у таких замечательных наставниц, как Е. И. Богданова, З. Н. Пусина, М. Ф. Антипова и многие другие. Сегодня вместе со своими ученицами встали они к станкам, чтобы отметить праздник коммунистического труда рекордами. Трудно, конечно, будет новичкам победить опытных ткачих, но не это в итоге важно. Особую цену имеет вклад узбекской молодежи в общий подарок ленинградцев стране: в день Красной субботы представители солнечной республики решили выработать три тонны пряжи и пять тысяч метров тканей...

О. ПЕТРИЧЕНКО,
 сборник «Огонька»
 Фото автора

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 16 (2857)

17 АПРЕЛЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

Т Р У Д А

коммунистических субботников, мы выбрали фото четырех объектов, которые и предлагаем вниманию читателей.

Всесоюзный научно-исследовательский онкологический центр АМН СССР.

Больничный комплекс в Риге.

Фото
 М. Баранускаса,
 В. Лисицина,
 И. Пределиса,
 И. Свериды (ТАСС)

РАДИ БЛАГА СТРАНЫ, РАДИ МИРА

Вышла в свет книга Леонида Ильича Брежнева «Воспоминания». Ее главы — «Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины», «Малая земля», «Возрождение», «Целина» нашли горячий отклик в сердцах советских людей и за рубежом.

«Воспоминания» пронизаны страстным утверждением ленинских идей, нравственной красоты и благородства людей труда.

Обращаясь к читателям, товарищ Л. И. Брежнев пишет:

«Дорогие друзья!

Работая над этой книгой, я как бы снова пережил давние и близкие события, все, что определило жизненный путь миллионов моих современников-коммунистов.

Ныне особенно зримы этапы героических свершений советского народа, нашей ленинской Коммунистической партии. Отрадно сознавать, что целые поколения выросли и трудятся в замечательное время — время величайших революционных преобразований, коренных социальных изменений, торжества нового общественного строя. На наших глазах и с нашим участием мир неуклонно меняется к лучшему, в пользу людей труда, в пользу социализма. В едином строю с Советским Союзом ведут борьбу во имя светлых

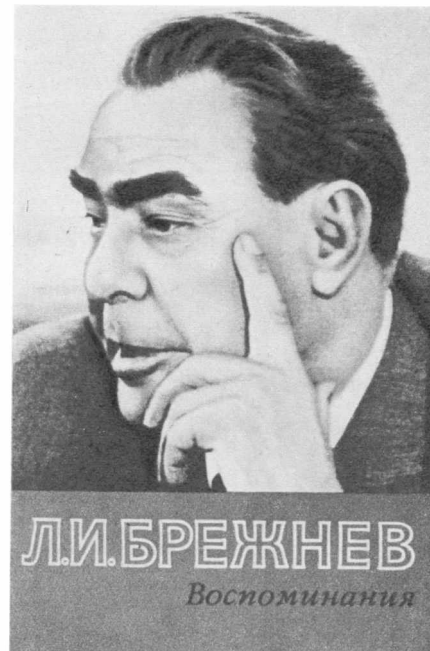
идеалов наши друзья и союзники — страны социалистического содружества.

Воскрешая в памяти былое, вновь видишь: не торной дорогой шли мы ко дню сегодняшнему. Ради блага нашей страны, ради мира на земле советские люди выдержали небывалые испытания, принесли немало жертв. Мы одолели фашизм в огне самого жестокого на памяти человечества пожара войны. Именно поэтому особенно дороги наши победы, в которые я верил в самые тяжкие годы. Верил, как и весь наш народ, все те, с которыми вместе строил, воевал, возрождал.

Мои воспоминания, конечно, не претендуют на полный охват событий. Главное, что мне хотелось передать на этих страницах читателю, — это чувство гордости за то, что в авангарде всех дел и свершений нашей Родины всегда идут коммунисты, наша славная партия, созданная и выпестованная В. И. Лениным, это чувство великого счастья, что я всегда был и остаюсь ее верным солдатом».

Книга «Воспоминания» выпущена Политиздатом и напечатана в московской типографии «Красный пролетарий».

[ТАСС].

СПОР ДЛИНОЮ В 150 ЛЕТ

Более полутора веков распоряжалась Англия Фолклендскими (аргентинцы называют их Мальвинскими) островами. По сути, этот архипелаг остался последней колонией некогда могущественной Британской империи. Острова были отняты Англией у Аргентины в 1833 году. В 1966 году в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН начались переговоры между двумя спорящими сторонами, однако вопрос о принадлежности островов так и не был решен.

Конфликт приобрел крутой оборот. Вооруженные силы Аргентины заняли Фолклендские острова, выслали в Уругвай английского губернатора и английских морских пехотинцев. В ответ Англия направила к Фолклендским островам огромную военно-морскую армаду, которая включает в себя две трети всего флота Великобритании, и отдала приказ, начиная с понедельника 12 апреля, топить любой военный корабль аргентинских ВМС, встреченный в 200-мильной зоне вокруг островов.

В зарубежной прессе задаются вопросом: а стоило ли английскому правительству так ужесточать курс? Отмечается, что бри-

танские тори все еще живут былыми воспоминаниями о могуществе Британской империи, и ностальгия по колониальному прошлому не дает покоя правительству Тэтчер. Вероятно также, что этот конфликт нужен правительству Англии, чтобы скрыть всю сумятицу и неразбериху во внутренней политике. А американская газета «Крисчен сайенс монитор» сообщает: «Существует мнение, что в районе Фолклендских островов находится крупное месторождение нефти. Этим объясняется значительный интерес к этому району таких компаний, как «Экссон» и других, которые в настоящее время ведут работы по разведке нефти у побережья Аргентины».

Фолклендские острова, отмечает комментатор французского телевидения, имеют большое стратегическое значение, поскольку расположены на важном морском пути. «Поэтому, — указывает телекомментатор, — Вашингтон опасается, что контроль над островами перейдет от «надежной» Великобритании, которая является членом НАТО, к политически нестабильной Аргентине».

Подготовка новых контингентов аргентинских войск к переброске в район конфликта.

Английский авианосец «Гермес» выходит в море из Портсмута. Фото ТАСС

Сперва появились только женщины. Их было несколько десятков. Одеты в длинные национальные одежды, они гневно размахивали руками и кричали: «Долой оккупацию!» Окружившая их израильская солдатня набросилась на женщин и стала избивать палками. Через несколько минут площадь опустела, остались валяться только клочки изорванной одежды, да кое-где запеклась кровь.

Но вот из узких улочек к площади двинулась новая волна демонстрантов. Юноши с горящими глазами, полными ненависти и презрения к оккупантам, смотрели в холодные и застывшие зрачки карабинов. «Палестина — арабская земля!», «Убирайтесь вон из Палестины!» — кричали они. Раздался залп. И семнадцатилетний Ибрагим Дервиш рухнул замертво на землю...

израильская военщина незаконно оккупирует Западный берег реки Иордан, и за это время четверть миллиона его взрослых жителей побывали в израильских тюрьмах или камерах пыток. Цель сионистов ясна: прикарманить эти плодородные земли, изгнать местных жителей и расселить здесь своих колонистов. И все это делается с хладнокровной жестокостью. Рушатся дома палестинцев под напором бульдозеров и тракторов, изгоняются жители арабских деревень (если протестуешь — сажают в тюрьму), и строятся однообразные военизированные израильские поселения. На Западном берегу уже обосновалось 20 тысяч колонистов, а по плану Всемирной сионистской организации должно быть 100 тысяч.

«Пороховая бочка» — так называют часто Ближний Восток — мо-

Арест палестинского юноши в городе Рамаллах.

СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕ СЛОМИТЬ

Кровавое побоище в городе Эль-Бира — одно из многих на Западном берегу реки Иордан и секторе Газа. На счету сионистских оккупантов более пятидесяти убитых и тяжело раненных палестинцев, сотни брошены за решетку израильских тюрем. А выступления коренных жителей этой древней и многострадальной земли продолжают.

В города Западного берега и сектора Газа введены израильские парашютисты. Фактически эти районы оказались на военном положении. В Наблусе, Рамаллахе и Эль-Бира, где вместо отстраненных от должности арабских мэров правят израильские офицеры, а также в некоторых деревнях и лагерях палестинских беженцев действует строжайший комендантский час. Практически полностью парализована жизнь во многих городах и поселках оккупированных территорий. Закрыты школы, не работают промышленные предприятия, учреждения, магазины.

Министр обороны Израиля Шарон заявил, что каратели сокрушат выступления палестинцев «железным кулаком». Оккупанты напуганы все более усиливающимся влиянием на жителей Западного берега и сектора Газа Организации освобождения Палестины. Террор и репрессии в первую очередь направлены на то, чтобы лишить ООП политической опоры среди 1,3 миллиона арабов на захваченных Израилем землях. Стратегия сионистов весьма проста: те палестинцы, которые согласятся сотрудничать, будут поощрены за предательство, те, кто откажется, будут или уничтожены, или изгнаны со своих земель. Вторая фаза стратегии захватчиков состоит в том, чтобы официально аннексировать оккупированные территории, как это было сделано с Восточным Иерусалимом и с сирийскими Голанскими высотами. «Ползучая аннексия», возведенная в ранг государственной политики Израиля, в действии.

Вот уже пятнадцать лет

жет вот-вот взорваться. И детонатором здесь выступает Израиль. Он вездесущ в своих агрессивных действиях. Вновь возникла угроза нападения Тель-Авива на соседний Ливан. На границе сконцентрированы израильские войска, готовые ринуться в глубь ливанской земли.

Совершенно очевидно, что наглость и агрессивность израильской военщины опираются на силу и мощь заокеанского друга и союзника — США. И их чувства вполне взаимны, так как израильская политика агрессии и экспансии отвечает стратегическим планам и интересам Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Несколько сот американских солдат прибыли в Шарм-Аш-Шейх, находящийся на оккупированной Израилем части Синайского полуострова. Они войдут в так называемые «многонациональные силы», которые создаются в рамках сепаратных кэмп-дэвидских соглашений.

Размещение этих сил на Синае фактически означает замену израильской оккупации этой стратегической территории оккупацией силами НАТО, причем американский, самый большой контингент Пентагон составил из солдат и офицеров 82-й дивизии, которая является ядром пресловутых интервенционистских «сил быстрого развертывания». Прикрываясь кэмп-дэвидским сговором, США наращивают свое военное присутствие в этом важном районе Ближнего Востока.

Американские наемники служат в карательных отрядах Израиля. На днях поступило сообщение о том, что израильский солдат американского происхождения устроил настоящую охоту на мирных палестинцев в Иерусалиме. Он хладнокровно расстрелял десятки арабских жителей этого города, которые находились в мечети и совершали религиозный обряд. Пятеро убито и семьдесят человек ранено. На оккупированных территориях началась всеобщая забастовка протеста против бесчинств израильской военщины.

В. ДУНАЕВ

Палестинцы Западного берега реки Иордан протестуют.

Фото из журналов «Тайм» и «Ньюсуик»

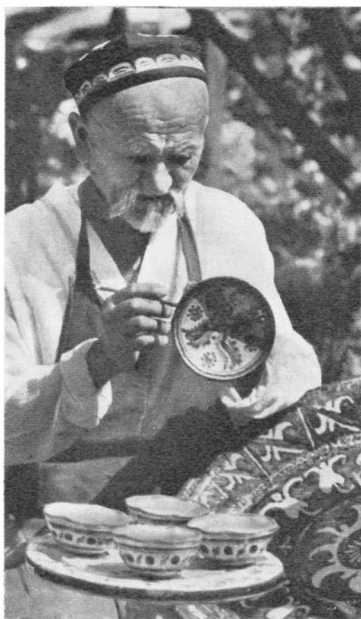
Американские войска прибыли на Синай.

Бронетранспортер оккупантов на улице Хебрана.

УЗБЕКИСТАН

РУКУ ПРИЛОЖИЛ МАСТЕР

Было время, когда изделия Алтынкульской фабрики хозяйственников заслужили у земляков-андижанцев плохую славу. Это время, как ни странно, на фабрике вспоминают охот-

но — охотно потому, что на прежнем фоне виднее успех нынешней алтынкульской продукции, пользующейся повышенным спросом и далеко за пределами области. Это декоративные корзинки из расцветочного стекла, узорчатые конфетницы, вазы, сувениры. Это и национальная мебель — резные столики, табуреты, детские коляски. Можно назвать еще металлические предметы домашнего обихода, незаменимые для национальных блюд красочные ляганы, касы и, конечно же, легкие и нарядные пилалы, в которых чай дымитесь золотистым ароматным озерком.

Как добились успеха? Начали работники фабрики с посещения магазинов, подчас инкогнито — для полной объективности покупательских оценок. Позаботились о новом оборудовании, усовершенствовали каждую технологическую линию. А в минувшем году включили в дело, пожалуй, самый главный резерв высокого качества изделий: тонкий художественный вкус потомственных мастеров, хранителей вековых национальных традиций. Мастера-надомники привнесли в производство повышенную требовательность, стали учителями молодых рабочих, их наставниками.

Начальник цеха стеклянной посуды Манзурахон Искандарова говорит:

— Алтынкуль по-русски значит «Золотое озеро»... Так называется наш город, и я думаю, что это имя происходит от умельцев, которые здесь живут, от золотых рук потомственных гончаров, керамистов, стеклодувов, резчиков по дереву. Мы счастливы, что на нашей фабрике искусство народных мастеров вновь будет расцветать... Например, даже серийные работы мастера Абдусамата Юнусалиева могут украсить любую выставку.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: потомственный мастер-гончар и керамист Абдусамат Юнусалиев.
Фото Р. Ашулова

ЛЕНИНГРАД

«КАСКАД» — ПРЕЕМНИК ЛИНОТИПОВ

Примечательный юбилей отметили недавно труженики «Ленполиграфмаша»: полвека назад здесь были изготовлены первые советские линоотпечатки.

Изобретенные в конце прошлого века, эти машины произвели подлинную революцию в типографском деле, значительно облегчили и ускорили утомительный труд наборщиков, вручную — буква за буквой — собиравших из свинцовых литер строчки будущих книг. Для своего времени линоотпечатки стали одной из вершин научно-технического прогресса. Производство столь сложного агрегата было доступно лишь немногим обладавшим высокоразвитой индустрией странам. Вот почему настоящей сенсацией прозвучало для Запада сообщение о том, что в Советской России налажен серийный выпуск собственных строкоотливных машин. А ведь многие зарубежные специалисты утверждали тогда, что до такого уровня развития техники русским вообще никогда не подняться.

Однако поднялись. И уже на Брюссельской Всемирной выставке получили за свои линоотпечатки Большую золотую медаль. А в дальнейшем серьезно потеснили на международном рынке известные зарубежные фирмы: сегодня почти половина продукции «Ленполиграфмаша» идет на экспорт.

Не застало врасплох ленинградцев и бурное развитие электроники. Недавно группе ученых и производственников предприятия была присуждена Государственная премия СССР за создание и освоение серийного производства комплекса фотонаборного оборудования

«Каскад», обеспечившего внедрение в полиграфическую промышленность прогрессивной технологии фотонабора.

Этот комплекс — качественно новый шаг в развитии полиграфии. Его использование дает возможность значительно улучшить условия работы в типографии, многократно повысить скорость воспроизведения текстов любой сложности.

«Каскад» завоевал широкое признание за рубежом. Он с успехом демонстрировался на многих международных выставках и уже «освоил» несколько европейских языков — языков тех стран, которые купили его для своих полиграфических предприятий. В ближайшее время фотонаборные комплексы «Ленполиграфмаша» станут участниками выставок в ФРГ, Греции, Австралии.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

На снимке: у программирующего аппарата оператор Елена Воскресенская и инженер Александр Бобков.
Фото автора

• НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ •

ДОБРАЯ

МАРИЙСКАЯ АССР

ОСОБЕННОСТЬ КОЛХОЗА

Двадцать третий год руководит колхозом «Рассвет», что в Советском районе Марийской АССР, Герой Социалистического Труда Владимир Гаврилович НОВИКОВ. Колхоз этот многоотраслевой, причем все отрасли рентабельны, а за успехи в животноводстве хозяйство награждено орденом Ленина. Есть у колхоза добрая особенность: молодежь, окончившая школу, остается работать здесь, в город не рвется.

Корреспондент «Огонька» И. МИХЕЕВА спросила Владимира Гавриловича:

— Что же делается в колхозе для создания благоприятного, столь привлекающего людей комплекса жизненных условий?

— Мы ставим перед собой такую задачу: как можно полнее приблизить быт и условия труда в селе к городским.

Для нашего края — Нечерноземья — проблема кадров очень остра. Причем нам нужны люди не всякие, а заинтересованные. Первое время, что скрывать, трудно было — комфорта никакого. А теперь фермы у нас сплошь механизированы, условия труда хорошие. Доярки работают в две смены, с выходными по скользящему графику. И сейчас проблема с кадрами в колхозе в основном решена. Ребята возвращаются после армии. Пишут просьбы о приеме в колхоз не только из нашей республики, но и из других мест.

В 1971 году начали строить жилой поселок Вятский. Дома здесь многоквартирные, квартиры благоустроенные, уютные, и переехали в них уже около трехсот семей. Строим и поселок вблизи колянурского молочного комплекса: очень комфортабельны и красивы здесь двухквартирные дома. Теперь уже колхозники наши выбирают, где жить: в многоквартирном доме или в коттедже на две семьи.

Есть в колхозе своя школа, современная поликлиника со стационаром, баня с прачечной. И дом быта открыли: здесь можно починить одежду и обувь, электро- и радиоаппаратуру, сделать прическу.

Недавно вырос двухэтажный дом культуры. Вернее было бы назвать его дворцом культуры: зрительный зал у нас на четыреста мест. А еще там библиотека, спортивный зал, комнаты для занятий кружков. Объявлена запись в четырнадцать кружков — не во всяком городском столько...

Много в колхозе молодых, и поэтому — особое внимание детям. Построили два детских сада, и проблема с устройством детей отпала. Садики наши не уступают городским. Много игрушек, игр, живые уголки. Собраны дошкольная методическая литература, пособия по развитию речи, музыке.

Планы у нас большие, а выполнить их надо в ближайшие годы. Ведь время идет, меняются запросы, меняются и требования к нашему труду, к колхозникам Нечерноземья. В Вятском построим еще около двухсот квартир, универсальный магазин, административный центр. А на берегу пруда заложим парк со спортивным комплексом и летней эстрадой.

Все эти заботы окупаются сторицей: людям интересно жить и работать в родном колхозе.

На снимке: Герои Социалистического Труда знатная колхозница Г. Н. Обухова и председатель колхоза «Рассвет» Советского района Марийской АССР В. Г. НОВИКОВ на слете выпускников общеобразовательных школ.
Фото В. Асоченского

МОСКВА

Почти сорок лет назад с раскисшего от весенних вод, наскоро сооруженного прифронтового аэродрома под Калугой поднялось в небо звено краснозвездных истребителей, ведомых французскими летчиками... Так начиналась боевая история единственной в своем роде эскадрильи «Нормандия», а потом полка «Нормандия — Неман», вписавшего в историю Великой Отечественной войны славные незабываемые страницы. Война закончилась, французские летчики вернулись на свою освобожденную родину на сорока боевых машинах ЯН-3, подаренных Советским правительством Франции, но история полка на этом не оборвалась — она живет и по сей день. И не только в памяти французских пилотов

и советских техников, готовивших самолеты и боям, — эстафету памяти ветеранов приняли школьники.

Сколько их в нашей стране, юных историков знаменитого полка? Пожалуй, на этот вопрос можно ответить лишь приблизительно — многие тысячи. Когда в Москву на юбилейный слет, посвященный 40-летию «Нормандии — Неман», прибыли только лишь делегаты отрядов и клубов, оказалось, что в зале слета посланцы Молдавии и Украины, Якутии и Закарпатья, больших городов и маленьких сел — поистине огромная география живой памяти о героях военных лет!

Надо было видеть, как волновались и пришедшие на слет ветераны — увешанные орденами и медалями седовласые люди с молодыми, светящимися радостью глазами. Счастье от сознания исполненного ими ве-

ликого долга, грусть о погибших товарищах — все было в их лицах... Надо было видеть, с каким вниманием ребята слушали выступления Героя Советского Союза генерала Г. Н. Захарова, бывшего командира авиационной 303-й дивизии, в состав которой входил полк «Нормандия — Неман», бывшего старшего инженера полка С. Д. Агавельяна, бывшего старшего техника полка по радиооборудованию М. И. Шифрина, других ветеранов. И рассказы юных делегатов слета о делах их клубов интернациональной дружбы звучали как боевые рапорты: проведено столько-то походов по местам боевой славы, собраны такие-то реликвии, созданы школьные музеи полка «Нормандия — Неман», ведется переписка с французскими ветеранами...

Лучшим примером работы юных историков можно назвать

деятельность ребят 712-й мошквской школы — кстати, именно они наряду с советом ветеранов полка и Советским комитетом ветеранов войны стали хозяевами слета. Уже более десяти лет школьники тщательно изучают все детали боевого пути полка, и созданный при школе музей гордится сотнями экспонатов, собранных в походах, экспедициях, найденных в различных архивах юными следопытами. И каждый новый поиск, предпринятый ребятами, — не только долг памяти, но и залог бессмертия подвига советского и французского народов в той далекой, но незабываемой войне...

Б. СМЕРНОВ

На снимке: ветераны среди юных делегатов слета.
Фото А. Бочинина

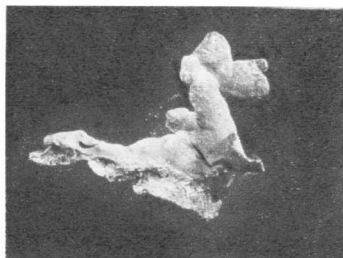
ОТКРЫТИЕ МАРГАРИТЫ НОВГОРОВОЙ

МОСКВА

Современных геологов трудно чем-либо удивить. И все же доклад старшего научного сотрудника Института геологии и рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР вызвал овалцию на международной конференции, проходившей в Вене. Овалция была вызвана тем, что советские ученые обнаружили природный металлический алюминий. Участники конференции собственными глазами видели миниатюрнейшие самородки, добытые Новгородовой из различных месторождений.

— Нас радует, — сказала Маргарита Ивановна, — что Международная комиссия по новым минералам признала природный металлический алюминий ценным открытием. Интересно, что «Лунной группой» нашего института этот природный металл обнаружен и в пылевидном грунте Луны. Это значит, что природа нашла экономичный способ получения металлического алюминия. Овладев ее секретом, можно надеяться избавиться от затрат огромных средств на строительство заводов с их сложным и дорогостоящим оборудованием, без которого невозможно превращать в этот металл глинозем бокситов и нефелиновых руд. Ученым предстоит выяснить, как происходит образование металлического алюминия в природе. Кое-какие предположения уже есть.

Недавно участники II экспедиции всесоюзного производственного объединения «Аэрология», возвратившись из экспедиции, обратились в институт, где работает Новгородова, с просьбой определить минералогический состав своих находок. Изучая «незнакомцев», Маргарита Ивановна заметила, что

образования чем-то напоминают найденный ею алюминий. После тонких исследований выяснилось, что экспедиция нашла природный металлический кадмий, работая на месторождении меди. Образования металлического кадмия находились не в центре сульфидного рудного поля, а на его флангах.

— Сомнения — удел ученых, — замечает Новгородова. — Прежде чем сообщить результат исследований, надо было исключить возможные подозрения на техногенное загрязнение. Тут сыграли свою роль методы просвечивающей электронной микроскопии. Полученные показатели окончательно убедили нашу группу и профессора Петровскую, ученицей которой я считаю себя. Недавно Международная комиссия по новым минералам признала ценным открытием и природный металлический кадмий.

Новгородова продолжает свои интересные исследования.

Генриетта АЛОВА

На снимке: сростки свинца и алюминия. Увеличение в 5 раз.

МОДЕЛЬЕРАМ ПО ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

НОВОСИБИРСК

Из Парижа пришло приятное известие: изящная шляпка, изготовленная Ириной Терлецкой, удостоена в салоне мод бронзовой медали. Новость в тот же день облетела все училище. Да, не удивляйтесь: награда пришла в обычное Новосибирское профессионально-техническое училище швей № 28, при котором есть свой Дом моделей.

Родился он несколько лет назад по инициативе самих учащихся. Занятие по душе нашлось здесь для всех желающих — ведь требовались и художники-конструкторы, и швеи, и манекенщицы, и даже искусствоведы. Если раньше силуэты модных платьев украдкой появлялись в тетрадках, то теперь они обстоятельно и подробно обсуждались на художественном совете...

Шефство над «младшим братом» взял новосибирский Дом моделей. Опытные мастера подсказали главные направления поиска, а руководить всей работой стала преподаватель технологии швейного производства Н. М. Матросова.

И вот первый показ новых моделей. В зале собралось все училище. Волновались и зрители, и мастера, и манекенщицы. Открыла показ сама директор Дома моделей Светлана Турашова. Ее платье для выпускного вечера всех очаровало. Работы Дома моделей вызвали большой интерес сначала в училище, а потом в школах, в кинотеатре «Пионер», на семинарах учителей домоводства и труда. Уже после показа зрители тесно обступили консультантов ученического Дома моделей Таню Афанасьеву и Ларису Жарнинову, чтобы еще раз что-то спросить, уточнить. Таня и Лариса, объясняя все со знанием дела, рассказывали об училище и приглашали:

— Поступайте к нам, научитесь шить и сами будете придумывать модели.

Все, кто видел наряды, сшитые девушками, единодушно: вот так должна одеваться молодежь. А одевается ли? Пройдитесь по училищу, и вы убедитесь, что модели показывались не только в единственных

экземплярах, их можно увидеть и в массовом исполнении. Значит, понравились, пришлось по вкусу.

Девушки постоянно придумывают что-то новое. А совсем недавно состоялся необычный показ антимоделей. Мальчишки и девчонки, сидящие в зале, от души хохотали, глядя на «последний крик» моды: джинсы в заплатах, свитера с воротниками до пола...

Популярность ученического Дома моделей растет, бронзовая медаль из Парижа вызывает законную гордость.

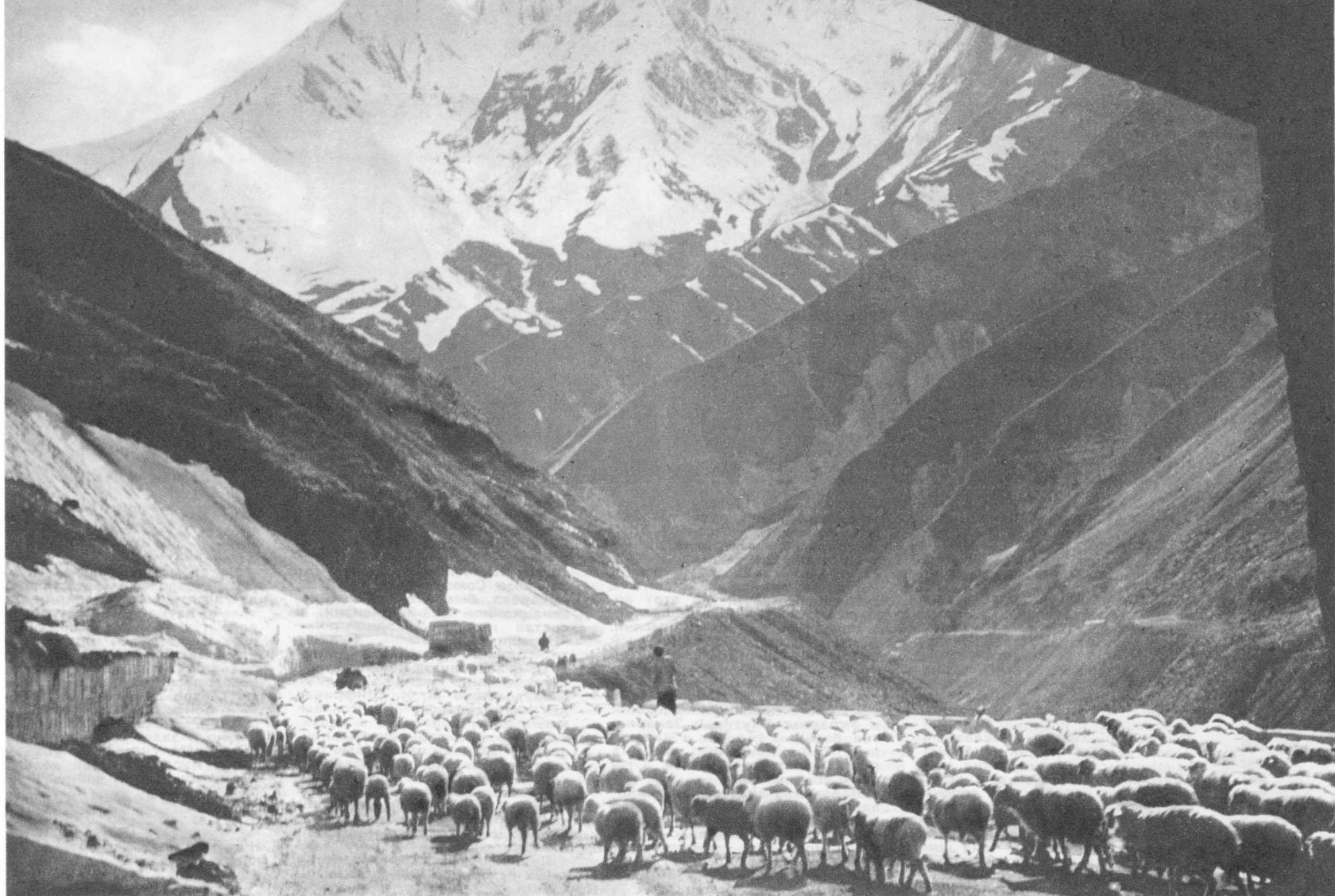
В. ЧЕПЛЫГИН,
заведующий сектором
профтехобразования
Новосибирского обкома ВЛКСМ,
М. ШУКИН,
сборщик «Огонька»

На снимке: в своих моделях.

Фото С. Дятлова

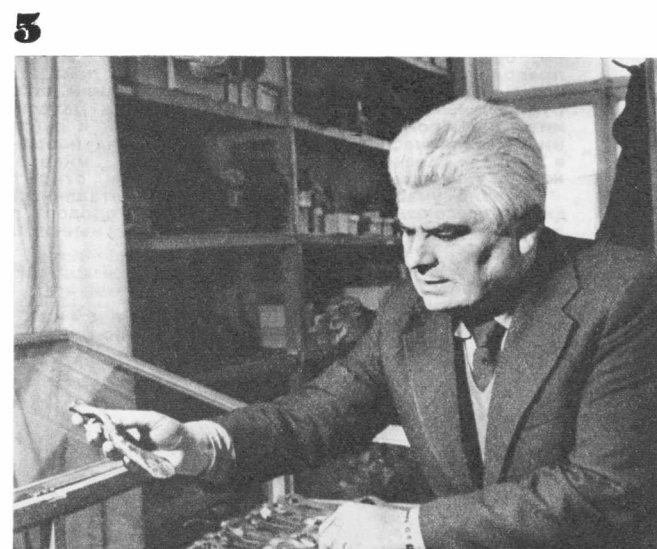
1

ОСЕТИНСКИЕ М

3

4

5

**И. МЕСХИ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Феликс Сергеевич Санаков, в прошлом педагог-биолог, ныне первый секретарь Юго-Осетинского обкома партии, кандидат в члены бюро Компартии Грузии, вернулся поздно вечером с Рокского перевала, где проходило заседание штаба строящейся автомагистрали. Переполненный впечатлениями от стройки, которая вскоре завершится и обещает дать краю и всей республике кратчайший выход к северу, к центрам нашей страны, он вспомнил Коста Хетагурова. Великий поэт Осетии, говорил он, с болью называл свой край краем горных тущоб. Автономия этого края при неусыпном внимании и помощи со стороны союзных и республиканских партийных и советских органов принесла ему, особенно за последнее

десятилетие, много зримых перемен. Нет, не назовешь теперь тущобами сравнительно маленькую область (около ста тысяч населения), в которой живет читающий и любящий искусство народ, о чем свидетельствуют 241 библиотека, своя газета и литературный журнал, педагогический институт, драматический театр, несколько разных училищ.

В этих самых «тущобах» построено третье по величине в Закавказье Зонкарское водохранилище, быстро растет рабочий городок горняков, добывающих свинцовые и цинковые руды, действуют и сооружаются канатные дороги для доставки к фермам сена с альпийских лугов, построены животноводческие комплексы, кормоцеха, успешно идет эксперимент по скрещиванию местных пород крупного рогатого скота со знаменитым головоем, растет высокорентабельное, более чем сотысячное стадо овец. А в городе Цхинвали делают вибромашины, кабель и многое другое...

1

Вечные странники гор.

2

Представляем вам Бориса Санакова, народного художника Грузинской ССР, в его цхинвальской мастерской возле почти законченного им портрета своего друга — скульптора Василия Кокоева. Писать друзей хорошо: знаешь характер, лицо, мысли. Еще совсем юного Санакова в цхинвальской изостудии пестовал Мехарбек Сафарович Туганов, человек широкой эрудиции, художник, театровед, публицист и фольклорист. Потом Борис Санаков прошел жизненную школу в горячих точках войны — в Керчи и на Ладге. После войны — Москва, Суриковский институт. А все остальные годы — родной Цхинвали, то самое тугановское училище, где он уже старейший, отделение Союза художников, где он старший...

3

Репетирует юго-осетинский ансамбль «Симд».

4

На Цхинвальской фабрике бельевого трикотажа хорошие светлые цеха с первоклассным оборудованием, со звукопоглощающими потолками, с максимальными удобствами для работающих. В вязальном цехе трудится дочь ушедшей на пенсию знатной доярки Тамары Тараевой, исключительно трудолюбивого и доброжелательного человека, Лена Тараева. Работает на шести машинах вместо четырех. И обучает новичков.

Есть какая-то особая радость в том, что маленький городок получил такое предприятие.

5

Профессор Баграт Виссарионович Техов возглавляет Юго-Осетинский научно-исследовательский институт Академии наук Грузинской ССР. Институт занимается гуманитарными науками. Выходят в свет его труды — двухтомник «Очерк истории Южной Осетии», четырехтомная история осетинской литературы, первый толковый словарь осетинского языка (совместно с северянами).

Сам Баграт Виссарионович — археолог. Вот что он рассказал о себе: — Я ученик грузинской археологической школы, и предметом моего интереса всегда была древнекавказская цивилизация. Копаю я в нашем крае уже более четверти века. Масса интересного. Предметы скифской культуры, урартской культуры, свидетельства общения через перевалы. Но самой большой удачей для меня был первый год, когда в овраге у селения Тли я наткнулся на громадный могильник конца второго — начала первого тысячелетия до нашей эры. Чего стоит одна только коллекция из 106 бронзовых топоришков с высокохудожественными изображениями, за которыми стоит целый духовный мир нашего далекого предка.

6

Механизатор Шота Кокоев. И в прежние годы Шота Павлович слыл лучшим в округе механизатором, был отмечен орденом «Знак Почета». Но последний год особый. Вдвое превысил Кокоев план, собрал более пятидесяти центнеров кукурузы с гектара. А гектаров — тридцать. И вот награда — Государственная премия республики 1982 года за выдающиеся достижения в труде, десять тонн кукурузы премиальных, и если хочет, то вне очереди может купить автомобиль. Еще бы механизатору не хотеть этого...

ОТИВЫ

6

ТРАССА МУЖЕСТВА

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Алексея МАСЛОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Раскачиваясь из стороны в сторону, вертолет словно по веревочной лестнице карабкается в небо и, набрав нужную высоту, ложится курсом на север. И почти тотчас в утренней мгле растворяются очертания Челябинска: силуэты жилых кварталов, трубы гигантских заводов, нескончаемые прожилки автомагистралей. А затем весь иллюминатор застилает редкий, унылый лес. Проходит час, как мы в воздухе, а тайга и не думает отступать.

Несколько минут идем вдоль Чусовой. Заснеженный след реки то изящно огибает сопки, то вдруг полностью исчезает из вида.

— Пока мы форсировали Чусовую, — говорит управляющий трестом «Уралнефтегазстрой» Валентин Иванович Бармин, который взял нас с собою, — не один бульдозер пришлось со дна реки вылавливать. Скальный берег, где без взрывчатки не обойтись, прыгающая глубина русла, стремительное и полноводное течение — все это мы преодолевали с боем.

О Бармине как о руководителе, которого знают в лицо на любом участке тысячекilометровой трассы газопровода, мы были слышаны еще в Москве. Очевидцы рассказывали, что вместе с трубоукладчиками тонул он в непроходимых болотах, тушил лесные пожары, а однажды в состоянии коллапса был доставлен вертолетом прямо на операционный стол и, спасибо хирургам, чудом жив остался.

...Наконец в иллюминаторе засверкали черные, лоснящиеся туши труб. В любой из них при желании могло бы разместиться несколько «Жигулей». Рядом с лакированными черными «гильзами» — с десятком оранжевых, ярко-желтых вездеходов, бульдозеров, тракторов.

— Вот это и есть конечный на сегодняшний день участок газотранспортной системы Уренгой — Петровск, — поясняет В. Бармин.

Мы долго летим вдоль трубопровода. Ровная восемнадцатиметровая просека тянется к самому горизонту, и конца края ей не видно. На двухметровой глубине ее проходит русло рукотворной реки, несущей людям голубое чудо.

— Когда-то я читал, что еще Геродот и Аристотель сообщали

об использовании газа для приготовления пищи, — говорит старший прораб девятого участка СУ-1 газопровода Уренгой — Петровск Николай Чибисов. — А ведь и сегодня только у нас в стране более восьмидесяти миллионов человек вынуждены пока обходиться без этого дешевого и удобного топлива. А все потому, что еще нигде проложены газозовые реки.

Под началом Николая двести бетонщиков, маляров, каменщиков, изолировщиков, штукатуров... Все требуют, чтобы под рукой и раствор вовремя, и кирпич хорошей марки, и техника чтобы в действии. А за все это, как известно, в ответе старший прораб Николай Чибисов — интеллигентный, с ровным голосом и слегка замедленными движениями.

— Как вам удается с таким тихим голосом управлять всей своей гвардией? — спрашиваю я Николая.

— А я с ними ласковым словом воюю, — отшучивается прораб.

Николай любит свое дело, без него не представляет себе жизни и гордится этим. На площадке компрессорной станции (целый завод под открытым небом) он чувствует себя в своей стихии. С подчиненными разговаривает так, что невольно человека вызывает на откровение и тем самым создает ситуацию, побуждающую собеседника к конкретному действию.

Пятидесятиградусный ли мороз, проливные дожди — Чибисов первым со своей бригадой высаживается на том месте, где должны появиться жилой городок, компрессорная станция, автодорога.

Социология утверждает, что три четверти производительности труда современного руководителя находятся в зависимости от его способности к эффективному взаимодействию с другими людьми.

— Вы когда-нибудь видели соревнования по слалому на... бульдозерах? — спросил нас в один из дней пребывания на трассе заместитель управляющего трестом «Уралнефтегазстрой» А. К. Караманов. Вначале мы подумали, что «самый северный узбек» (как зовут Караманова на стройке) в силу своего веселого нрава пытается разыграть нас. Потом выяснилось, что в шутке Алексея Карамановича было больше правды, чем юмора.

Зима, казалось, еще удерживала в своих объятиях землю, и трассовики не могли нарадоваться тому, что весна, запаздывая с приходом, великодушно продлевает им срок работы на устойчивом грунте. Для завершения перехода через Чусовую оставалось взорвать обрывающийся отвесной стеной навстречу трубоукладчикам скальный берег. Взрывники

терпеливо готовили шурфы, старательно закладывали динамит, обносили площадку специальными флажками. Потом прогремел взрыв, и на плечи бульдозеристов легла ответственность: в считанные часы приготовить трассу к приему тяжелых трубоукладчиков. А наутро на тайгу буквально обрушилась весна. В сторону реки помчались стремительные ручьи, потемнел и набух снег, а с обнаженной после взрыва земли потянулись тонкие струйки. Первым прибыл к месту работы Геннадий Щербенков. На своем «С-100» он не раз удивлял видавших виды трассовиков умением справляться с породой. Не единожды в течение трех месяцев выполнял он годовую норму выработки, за что и был удостоен премии Ленинского комсомола.

Одиннадцатитонная «сотка» Г. Щербенкова зло набросилась на скальные глыбы и, разметав их в разные стороны, принялась расчищать трассу. Но чем выше к откосу поднимался бульдозер, тем ненадежней становился грунт под его могучими «ступнями». В один из заходов, развернувшись, быстро ринулся было вверх, но почувствовал, что машина, не слушаясь управления, медленно плывет к обрыву.

Щербенков попытался развернуть бульдозер и поставить его поперек склона. Сползание прекратилось, но и работа замерла, остановилась. Выкурив «беломорину» и посоображав чуток, Геннадий принял решение действовать против осклизшихся глыб точными и короткими выпадами. И вот тогда-то и начался тот слалом, о котором говорил Караманов. Юркая «сотка», выскакивая из-за стволов деревьев, таранила угловатые глыбы и тут же отходила под прикрытие мощных сосен, которые надежно удерживали ее на рыхлом грунте. Сколько продолжалась эта дуэль, сказать трудно, но работа была выполнена в срок.

— Щербенков не только ас своего дела, но и настоящий воjak молодежи, — отзывается о нем А. Караманов. — Как-то в канун Первомай, используя заморозки, мы решили на оперативке просить бульдозеристов отработать в праздники, — вспоминает А. Караманов. — Решить-то решили, а вовремя известить их об этом не сумели. В тот день вся бригада находилась на отдаленном участке трассы. Короче говоря, взял я на себя решение этого вопроса, но в текущие события

замотался, забегался и вспомнил об этом, когда вечер к ночи клонился. Звоню в диспетчерскую, выясняю, где находится бригада Щербенкова, а дежурная мне с такой ехидцей объясняет, что, дескать, бригада давным-давно разъехалась по домам, праздники первомайские встречать готовятся. Верите, у меня все оборвалось внутри. За тридцать лет работы на газопроводах чтобы я что-то забыл, не помню такого. Что делать? Вызываю дежурную машину, еду на квартиру к Щербенкову, а сам про себя рассчитываю: через полчаса на Челябинск уходит поезд, и наверняка многие бульдозеристы с чemoданчиками по перрону прогуливаются. Подъезжаю к домику Щербенкова, стучусь. Геннадий сам дверь открыл, пригласил к столу. Какое там угощение, отмахиваюсь я, хотя с утра во рту росиночки не держал. Сбивчиво начинаю объяснять ему ситуацию, прошу войти в положение. А он мне с доброй усмешкой говорит: «Опоздали вы, Алексей Караманович. Ровно на полсутки опоздали. Мы еще в полдень всей бригадой договорились завтрашний день... на участке встретить». У меня в ту минуту было желание в ноги ему повалиться.

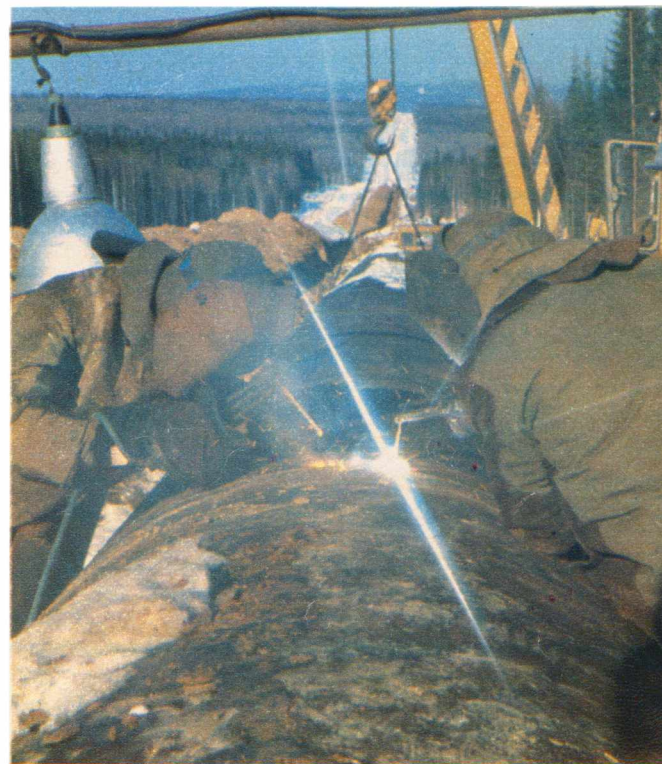
Вечером в прорабской мы снова увидели В. И. Бармина. Валентин Иванович за день облетел главные участки строящейся газотранспортной системы и, судя по его лицу, остался доволен положением дел на трассе. Но и теперь у управляющего трестом не было лишнего времени.

— К концу нынешней пятилетки, например, мы предполагаем добывать на Уренгое до 250 миллиардов кубометров газа, — сказал Бармин. — Если оглянуться назад и сравнить эти цифры, скажем, с показателями семилетней давности, то выяснится, что в то время такое количество газа добывала вся наша отрасль.

Сейчас в стране создаются Единые нефтегазотранспортные системы. Они будут способны перекачивать от подземных кладовых ко всем местам потребления и переработки топлива девяносто пять процентов получаемой в стране нефти и полностью весь газ. Трасса, на которой вы сегодня побывали, является одной из ниток этого могучего энергетического коридора. И хотя строители добрались пока только до 1451-го километра, трасса давным-давно трудится, снабжая необходимым топливом все соседние регионы.

1451-й километр газопровода Уренгой — Петровск * Командир вертолета МИ-8 Анатолий Белозерцев в рекогносцировочном полете * До распутицы нужно пройти реку. Ребятам не до фоторепортеров * Для Геннадия Щербенкова и Урал не преграда.

1933—1942

ЭСТАФЕТА БРАТСТВА И ПОДВИГА

Второе десятилетие СССР, 1933—1942 годы... Невероятно емкое десятилетие, вобравшее в себя так много... С трепетным волнением мы с Татьяной Викторовной Федоровой, заместителем начальника московского Метростроя, Героем Социалистического Труда, прикасаемся к пожелтевшим страницам одиннадцатого тома «Огонька» — подшивке за 1933 год, первой в том далеком десятилетии. Впрочем, таком ли уж далеком? Широковатая бумага, некачественная печать, в номере всего 16 страниц, он то двухнедельный, то еженедельный, неустойчив и тираж... Но какая

темпы его развития являются, пожалуй, самым важным и самым блестящим итогом первой пятилетки». Готовятся к пуску «Уралмаш», Луганский паровозостроительный, Московский станкостроительный, Харьковский турбинный, Челябинский тракторный... Колхозник стал центральной фигурой земледелия. Это показал и первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников. В его работе приняли участие 1500 делегатов.

В нашей стране уже девять союзных республик: Российская, Украинская, Белорусская, Узбекская, Грузинская, Азербайджан-

(этого большого мастера фотодела еще хорошо помнят ветераны сегодняшнего «Огонька») привозят материал из края легенд, комариного писка и самых мутных в мире рек — Колхиды. И мы видим, как осуществляются рабочими-мингрелами под руководством «старого и добродушного инженера с простой фамилией Кузнецов» мечты гениального мелиоратора Леонардо да Винчи, как агроном Назаров закладывает в Колхиде на осушенных землях цветущие сады, сады вечной дружбы русского и грузинского народов...

вали в строительстве метрополитена столицы.

Но в тот первый год второго десятилетия СССР над Европой уже витал призрак войны. Едва успели астрологи-мракобесы предсказать великое будущее «расовонепорочному» арийцу, как на берегах Рейна резко диссонансным лейтмотивом загрохотали барабаны, зачал дым книжных костров, и заполыхало здание рейхстага. «Комедией фашистской юстиции» назвал «Огонек» судебный процесс, проходивший в Лейпциге. Оттуда по всему миру разносился мужественный обличающий голос Георгия Димитрова.

И В ЮНОСТЬ ФОТОЛЕТОПИСЬ «ОГОНЬКА»

ЗАГЛЯНУВ...

панорама жизни разворачивается перед нами, сколько воспоминаний возникает! Вооружаемся, как компасом, уникальными теперь строчками репортажей, фотографиями и заметками, чтоб совершить путешествие в отрочество и юность нашей страны, и в ее, Федоровой, юность заглянуть. Тут полное совпадение. Татьяна Викторовна была не только свидетельницей, но и непосредственной участницей многих свершений и событий того времени.

На обложке первого номера за 1933 год рабочие шахты № 10 Метростроя.

— Я еще не была среди них, — всматривается в лица Федорова. — Моя метростроевская биография началась чуть позже, но в том же году. Однако меня, шестнадцатилетнюю девочку, танкелажницу «Каучука», избрали уже членом райкома комсомола, и мы, комсомольцы, были в курсе всех дел.

Январский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подвел итоги первой пятилетки, выполненной в четыре года. Страна уже располагает прочной индустриальной базой, позволяющей постепенно освободиться от импортной зависимости. «Развитие машиностроения, — подчеркнул на Пленуме председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев (и эти строчки из его выступления в передовице «Огонька»), —

Таджикская, Армянская, Туркменская. Их связывает единая цель, единые народнохозяйственные задачи. По всей стране вводится единая паспортная система. На снимке — образец нового паспорта. На другом — старт знаменитого автопробега Москва — Каракумы — Москва. Фотографии победителей первого всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей. Премии наряду со взрослыми, Зоей Гайдай и Святославом Кнушевицким, получают и дети.

«Огонек» то посвящает целый номер Кабардино-Балкарии, то рассказывает о людях Якутии, то об озеленении Баку и других городов Азербайджана, то о ледовом дрейфе «Сибирякова» и «Красина» и строительстве Беломорско-Балтийского канала. «В Филях, в Филях!» — зовет в своем репортаже Евгений Кригер: там появляются первые дома нового района столицы СССР. Скромные, четырехэтажные, они смотрятся сегодня так, будто это центральная совхозная усадьба. В другом номере во всю страницу троллейбус — от Белорусско-Балтийского вокзала к Окружной железной дороге пошел первый в Москве троллейбус! Константин Паустовский и Семен Фридлянд

1937 год. Бригадир чеканщиков шахты № 55 второй очереди метро Татьяна Федорова и чеканщица Зинаида Жданова (справа).

— Московское метро — тоже символ дружбы и братства. У нас работали в то время шахтеры Донбасса, грузины, татары, о Вазыхе Замалдинове еще Юлиус Фучик писал, — вспоминает Татьяна Викторовна. — Белоруска Софья Киеня стала первой женщиной, работавшей в кессоне, мы только что видели здесь ее портрет. Украина, Грузия, Средняя Азия, Карелия, Урал слали нам граниты и мраморы, все республики участво-

Десятилетний Союз Советов ни на один час не забывал укреплять свою оборонную мощь, способность противостоять любому натиску врага. На обложках журнала и его страницах фотокадры, запечатлевшие маневры, воздушные бои, учебу красноармейцев и моряков, перевооружение армии и флота. Страна зорко стояла на страже своих рубежей. Возрастал ее международный авторитет. Мирная политика Советского Союза одержала блестящую дипломатическую победу: с приходом в Белый дом президента Франклина Рузвельта в конце 1933 года были установлены нормальные дипломатические отношения между СССР и США. На снимке первый советский флаг, вывешенный в Нью-Йорке на здании отеля «Сен-Мориц», где остановился нарком по иностранным делам М. М. Литвинов.

Таким вот был тот первый год второго десятилетия, год старта второй пятилетки. Задачи ее были рассмотрены XVII съездом партии: завершение технической реконструкции промышленности, максимальное использование пущенного оборудования, быстрее освоение новой техники, резкое увеличение производительности труда.

Бригада сварщиков В. Головачева * Комплексная бригада Ю. Бугрина на строительстве компрессорной станции «Горнозаводская» * Привычный для газовика пейзаж * Газопровод — это трубы и еще раз трубы.

В решениях партии—воля народа! Августовской жаркой ночью на шахте «Центральная—Ирмино» пробил час первого рекорда. Будто вспышкой молнии озарил русский крестьянин своим подвигом на украинской земле дремавшие пласты народного творчества. А вот и он сам, Алексей Стаханов, герой нашего времени, на обложке № 28 «Огонька», с отбойным молотком в руках. Конечно, это случайное совпадение, но знаменательное: именно с этого номера журнал начал печататься в типографии издательства «Правда», на улучшенной бумаге и большего формата, и у него уже не 16, а 24 страницы.

13 сентября рекорд московского фрезеровщика Ивана Гудова, 19 сентября — кузнеца Горьковского автозавода Александра Бусыгина... В журнале портреты ткачих, комбайнеров, свекловодов, обувщиков, сталеваров, хлопкоробов... С обложки смотрит девочка в тюбетейке и с косичками — это Мамлакат Нахангова, таджикская пионерка. Портреты Марии Демченко и Марины Гнатенко, Дуси и Марии Виноградовых. «Огонек» так их и назвал: советская трудовая знать. Наконец стахановцы в редакции журнала. Как бы восприняв тот добрый почин, почти в таком же примерно составе встретятся они в «Огоньке» через сорок без малого лет, в 1972 году...

На самом высоком уровне, в Кремле, состоялось Всесоюзное совещание стахановцев. В нем приняли участие и бригадиры проходчиков Метростроя Федор Ракитин и Дмитрий Примакин.

— Дима потом стал летчиком, — уточняет Федорова. — А Алексея Стаханова я впервые увидела у Сергея Орджоникидзе, в доме на площади Ногина, где он принимал угольщиков и горняков. Я тогда работала бригадиром чеканщиков. Да вот же моя фотография, не узнали? В перегонном тоннеле, за работой. Это было время подъема, взрыва энергии масс, будто у нас, юных, выросли крылья. Но мы и на самом деле были крылатыми! У меня лично дружба с небом началась еще на «Каучуке». В нашем цехе готовили стратостат. Я, такелажница, плела веревочные крепления для соединения гондолы с оболочкой. Как-то мы заглянули вовнутрь — даже оторопь взяла, такая машина! Во время опробования к нам приходили Федосеев, Васенко, Усыскин. Беседовали с нами, рассказывали о себе. Стратонавты покоряли высоту, ставили мировые рекорды, открывая тем самым путь к звездам, дорогу в космос. Наша цель, говорили они, подняться как можно выше.

Как можно выше, как можно дальше, как можно быстрее! Такой был девиз того славного пятилетия юной Страны Советов! Чкалов, Байдуков и Беляков, Громы, Юмашев и Данилин покоряли расстояния. Америка восторженно приветствует советских летчиков. Коккинаки штурмует высоту. Челюскинцы и папанинцы осваивают Ледовитый океан. Наши люди на Северном полюсе.

Наконец, в небо поднимаются женские экипажи. Лозунг «Дадим стране 150 000 летчиков!» касается всех. И вот уже все от мала до велика тревожатся за судьбу самолета «Родина». Я помню, как мы, тогда еще школьники, с нетерпением стояли у репродукторов и ждали новостей о Полине Осипенко, Валентине Гризодубовой и Марине Расковой. Где они? Долетели ли? Как сели?

Из книг Татьяны Виторховны известно: и она дружна с авиацией. Прошу рассказать.

— На Метрострое был свой аэроклуб, а на станции Малые Вяземы под Москвой — свой аэродром с ангаром, мы сами их строили. Четыре «У-два» и три планера. Попасть в аэроклуб было очень трудно. Вопрос решался на общем собрании голосованием. Отбирали самых лучших рабочих. Планерная школа, в которую приняли меня, находилась на Каланчевке, в двух маленьких комнатах. Как мы туда сумели затащить крыло планера, до сих пор удивляюсь. За первый же прыжок с парашютом мне в качестве поощрения выдали гимнастерку и картуз со звездочкой. Шли по улице и гордо пели: «Все выше, и выше, и выше!» Потом началось: прыжки ночью, в любое время года, осенью и зимой... На слете парашютистов в Туле получила в награду традиционный самовар с надписью. Недавно он экспонировался на выставке, приуроченной к 50-летию советского парашютизма, в Музее Вооруженных Сил. Потом овладение самолетом, участие в авиационных парадах в Тушине. Там я впервые видела Валерия Чкалова. А познакомилась с ним лично в Большом зале консерватории, где был вечер метростроевцев. Я выступала там, рассказывала о наших ученических делах. Только замолкла, Чкалов подошел ко мне, взял, как маленькую, за руку и посадил рядом с собой в президиуме. Кто-то нас сфотографировал. Карточку ту берегу, как самую дорогую. Какие это были чудесные, счастливые годы!

Вы не обратили внимания, что именно в эти годы резко возрос авторитет советской женщины, ее роль в жизни страны? О наших стахановках мы уже говорили, но ведь не оставалось буквально ни одной области, где бы не проявили себя женщины! Давайте продолжим наше путешествие по журналу в глубь десятилетия. Пожалуйста: Анна Шетинина — капитан корабля, Л. Яблонская — начальник цеха «Азовстали», Зинаида Троицкая — машинист паровоза. А вот смотрите, Басти Багирова, депутат Верховного Совета СССР, я встречалась с ней на сессиях, собирает хлопок двумя руками. Рыболовецкая бригада женщин. Группа девушек во главе с Настей Сункуевой совершила поход на лыжах в Москву — откуда, вы думаете? Из далекой Бурятии. Или вот: работница табачной фабрики играет Шопена. Не музыкант — простая работница! Разве это не замечательно? В любой области взлет, энтузиазм, стремление к вершинам!

Мы снова листаем подшивки тома. Наука. Она совершала подлинный скачок. Совсем молодой — еще без своей знаменитой бороды — Курчатов сфотографирован у высоковольтной установки в Ленинградском физтехе, где ведутся работы по расщеплению атомного ядра — прелюдия великих открытий нашего времени. А ведь шел всего лишь 1935 год! Из Кембриджа в Москву переезжает со своей лабораторией будущий академик Капица. Доктор химических наук В. А. Каргин. Ему всего тридцать лет, и... пятьдесят опубликованных работ. выдающийся математик тридцатилетний профессор Соболев. Цицин уже занимается своими пшенично-пшрейными гибридами. Доктор Брюхоненко ставит опыты по оживлению организма. Академик Филатов возвращает людям зрение...

— Какая тяга была у нас, молодых, к знаниям, к учебе! Вот и подтверждение: знаменитый Никита Изотов, как свидетельствует эта фотография, решает уравнение. Алексей Стаханов у географической карты, сдает экзамены в Промакадемию. Я тоже в ней училась. Все мы засели за учебники. Стране нужны были инженеры, агрономы, учителя, врачи. Учились Борин, Демченко, Нахангова, Мазай, Кривонос, Ковардак...

Учились все. Малые народы Севера и других районов страны впервые получили письменность. На бывших национальных окраинах открылись институты. Учится каждый четвертый житель страны!

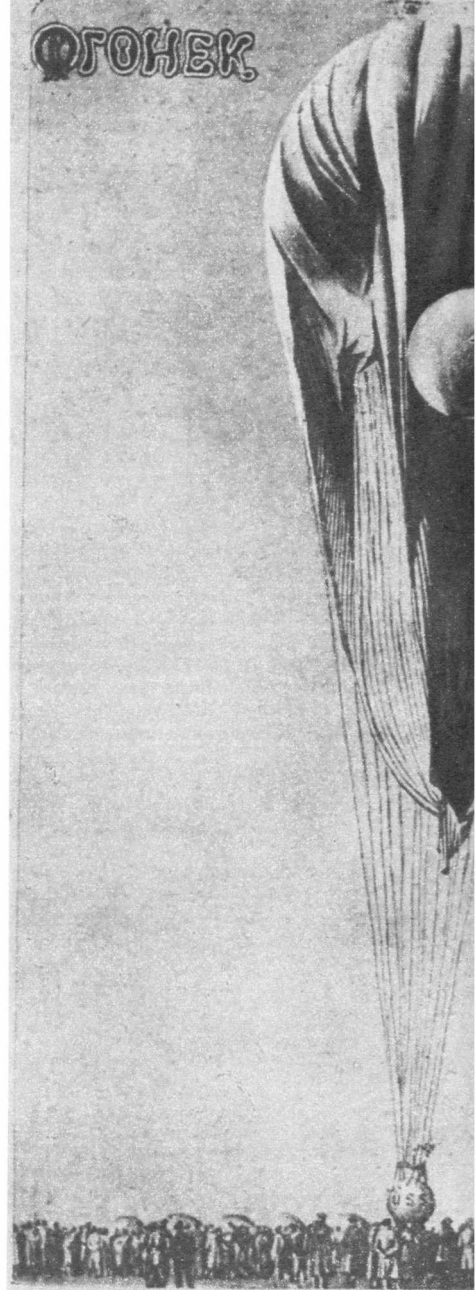
Повышался и уровень жизни. Зарботки возросли в два с половиной раза. «Ударникам — лучшие квартиры!» — призывает «Огонек» и информирует читателей о первых агрогородах, родильном доме, открывшемся в колхозе, об Артеке, курорте Боровое и работе... косметического кабинета. Это ведь тоже показатель возросшей культуры. Цены на продукты снизились. Спрос на духи, между прочим, возрос. СССР вышел по их производству на третье место в мире.

Особенно радовали подведенные на XVIII съезде партии итоги второй пятилетки: было построено и введено в эксплуатацию новых заводов, фабрик, электростанций, дорог, рудников втрое больше, чем за первую пятилетку. Колхозы и совхозы получили 500 тысяч тракторов. Пущена первая в СССР линия метрополитена, открылось движение по каналу Москва — Волга.

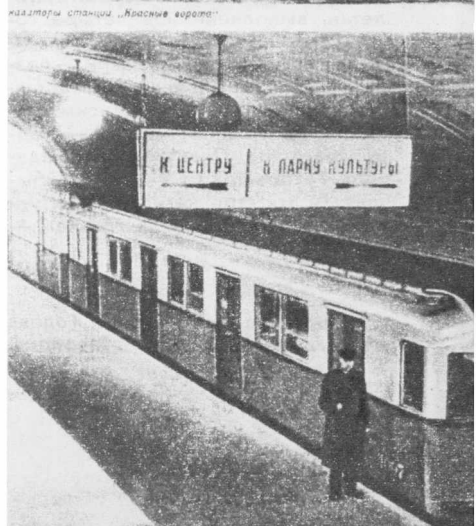
В процессе социалистического строительства происходило дальнейшее развитие социалистической демократии. Журнал рассказывает о том, как идет обсуждение проекта Конституции, принятой 5 декабря на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Всеобщими праздниками стало движение кандидатов в депутаты и выборы в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик и местные Советы. Народ называл лучших людей страны — передовиков соревнования в городе и деревне, и мы видим среди них прежде всего стахановцев, рядом с ними — ученые, инженеры, артисты, писатели, представители всех слоев советского общества, всех национальностей. Была среди них, как подтверждает фотография, и Федорова.

— Однажды, когда мы с бригадой чеканили тоннели на шахте 55—56, соединяющие площадь Революции с Курским вокзалом, прибегают за мной из конторы. «Бригадир, давай скорее на-гора, за тобой легковая приехала». Девчата помогли поскорее отмыться керосином от битума, я переоделась. В горном партии сказали, что меня, комсомолку, бригадира стахановской бригады Метростроя, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Потом состоялось очень много встреч с избирателями. В Театре Революции моим доверенным лицом был Николай Павлович Охлопков. Стоишь на трибуне в летной любимой своей форме с голубыми петлицами и волнуешься... На площади Маяковского пришлось говорить о себе прямо с борта грузовика. Но одна встреча особенная, врезалась на всю жизнь. Константину Сергеевичу Станиславскому было тогда семьдесят четыре года. Он был нездоров и выяснял, не могу ли я приехать к нему, так как хочет познакомиться с «девичкой из подземелья». Я порядком перетрусила: сам Станиславский! Попросила маму поехать со мной. Нас провели в кабинет Константина Сергеевича. Он поднялся навстречу — высокий, стройный, крепко и очень дружелюбно пожал нам руки. Я говорила очень коротко, как по анкете, но он, улыбаясь, требовал подробностей. Мы уютно сидели с мамой на маленьком диванчике, он слушал, как я участвовала в «Синей блузе», и даже читала ему Маяковского... Помню, очень поразился, когда узнал, что я парашютистка, внимательно рассматривал мой значок инструктора парашютного спорта. На прощание Константин Сергеевич трогательно преподнес мне букетик фиалок.

Всматриваясь сегодня в депутатский билет № 11, подписанный М. И. Калининым и А. Ф. Горкиным, думаю, как нам старшие уступали место рядом с собой, чтобы учить жизни, работе, управлению страной.

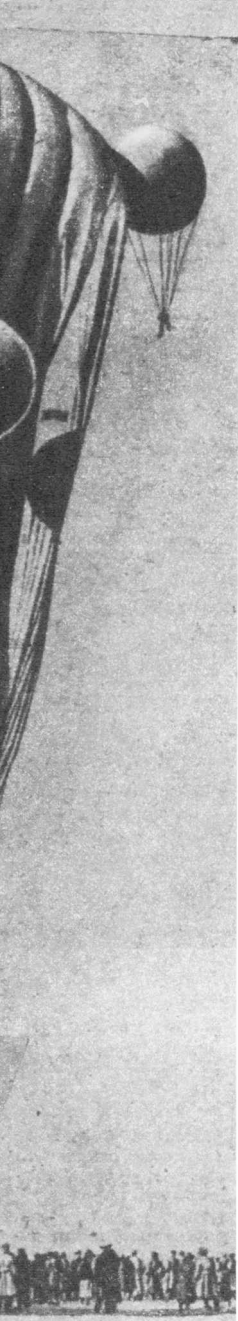

1933 год. Стратостат «СССР» перед полетом.

1935 год. Первая линия метро.

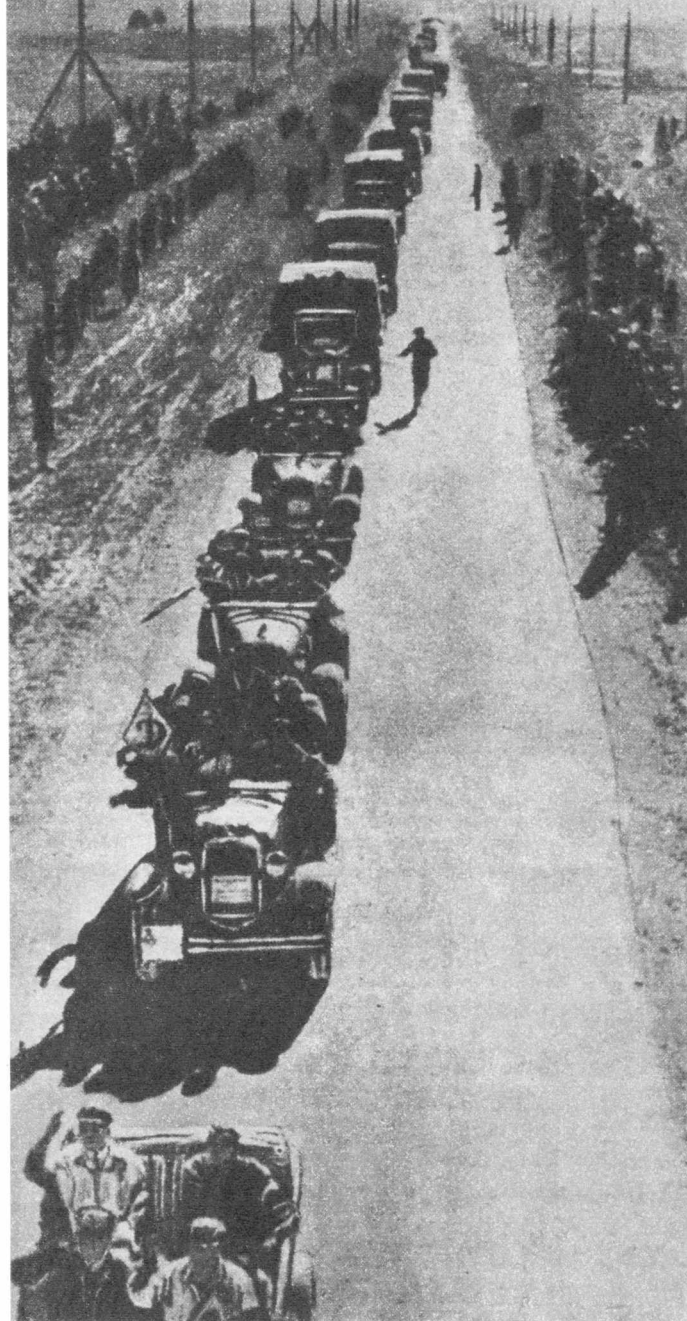

1933 год. Делегаты Первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников.

1934 год. Заканчивается обмолот.

1933 год. Финиш автопробега Москва—Каракумы—Москва.

1935 год. Алексей Стаханов.

1935 год. И. В. Курчатов у высоковольтной установки.

1936 год. Пионерки-орденоносцы Мамлакат Нанхангова и Хавахан Атакулова.

1937 год. Валерий Чкалов.

1936 год. В Сванетии. Солисты хора стариков.

1938 год. В Комсомольске-на-Амуре.

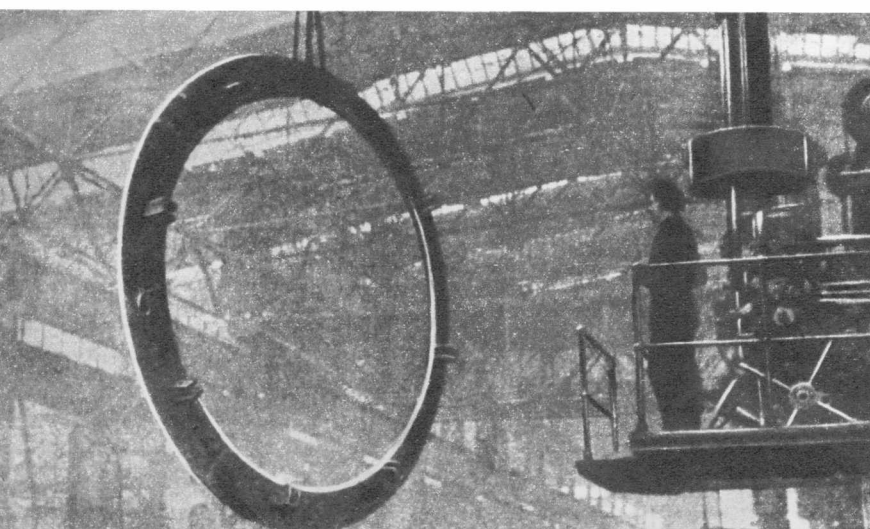
1940 год. В новые квартиры! Справа С. Я. Лемешев.

1941 год. Отец и сын Смысловы.

1938 год. К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

1937 год. Братья Знаменские.

1938 год. Полина Осипенко, Вера Ломако и Марина Раскова.

1938 год. Папанинцы.

1939 год. По Большому Ферганскому каналу пошла вода.

Советский Союз объединял тогда уже одиннадцать равноправных республик. К девяти существовавшим прибавились еще две — Казахская и Киргизская. Это была победа ленинской программы по национальному вопросу. Важнейшими вехами ее стало воссоединение в единые республики в 1939—1940 годах украинского, белорусского, молдавского народов, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики и добровольное вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в единую семью народов СССР. «Огонек» очень широко освещал эти исторические события, происходившие уже в третьем пятилетии.

Строительство новой жизни шло в условиях ожесточенного сопротивления классовых врагов. Советское государство, подобно осажденной крепости, находилось в капиталистическом окружении, под постоянной угрозой империалистической агрессии. «На Хасане», — писал «Огонек», — доказана несокрушимая мощь Страны Советов». Вскоре после того был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности».

В № 20 журнала опубликовано Обращение ВЦСПС ко всем трудящимся о переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю. «Помни о войне!» — предостерегающе звучала статья, опубликованная к 26-й годовщине начала первой империалистической войны. Нарком обороны проводил боевые учения Красной Армии и флота...

Последний номер «Огонька» за 1940 год. На титуле стихотворение Ярослава Смелякова. В нем есть такие строчки: «Сороковой встречали, — напоминает поэт, — в жестоком дыме северной войны...»

И вот настал 1941 год. Каким он будет? Каким он виделся в представлении наших современников? На второй обложке «Огонька» поистине вещий рисунок. Л. Бродаты изобразил Новый год в виде младенца, спускающегося в глубокой ночи на парашюте. Застывшие от ужаса глаза, воют снаряды и бомбы над кладбищенски мрачными развалинами. Это все там, в Европе. А у нас жизнь идет своим чередом. Мирная еще жизнь. Фотоочерк о покорении пустыни, о джезказганской меди. В мире науки и техники — это новая рубрика...

В феврале состоялась XVIII конференция ВКП(б). Союз шестнадцати республик представлял собой могущественную индустриально-колхозную державу, располагающую мощным военно-экономическим потенциалом. За десятилетие, писал «Огонек», страна прошла путь, равный столетиям. Выдающиеся ученые и руководители промышленности отвечали на вопросы анкеты журнала. В словах академика Г. М. Кржижановского мудрая сдержанность: «10 лет назад страна производила электроэнергии меньше, чем маленькая Швейцария. Теперь мы на третьем месте в мире после Соединенных Штатов и Германии. Но еще не в такой степени освоили технику и овладели наукой, как на то могли бы рассчитывать по несравненным преимуществам нашего социалистического строя... Во весь формат другого номера, наискосок — четыре цифры: 2955. Именно столько предполагалось в

1941 году ввести новых и расширить существующих предприятий. В Запорожье, например, во втором полугодии сдать в эксплуатацию четвертую доменную печь.

Через два месяца на обложке № 18, вышедшего 25 июня, — хищный зверь со свастикой, над которым занесен меч... Митинги и митинги на фотографиях. Враг будет разбит!

Партия обратилась к народу с призывом: «Все для фронта, все для победы!» Создан Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным. Началась быстрая перестройка страны и народного хозяйства на военный лад, перебазирование заводов и фабрик на восток страны. Жители Урала и Сибири, Казахстана, республик Средней Азии по-братски принимали людей, эвакуированных из прифронтовых районов.

Начиная с № 20 журнал выходит еженедельно, но уже на шестнадцать страниц и ведет строгий учет недельной войны. Публикуется публицистический репортаж редактора журнала Евг. Петрова «В фашистской Германии».

4-я неделя войны. В народное ополчение записываются добровольцы.

5-я неделя. Бессмертный подвиг капитана Гастелло...

6-я неделя. Сбитый вражеский самолет на площади Свердлова в Москве...

— Видела я этот самолет. Он находился недалеко от нашей шахты. — Татьяна Винтторовна задумалась. — Где застала меня война? В больнице. Мне только что сделали операцию, был аппендицит, лежу со льдом на боку. Притянула наушники, чтоб послушать музыку. Воскресенье же... И вдруг общение... До меня даже не сразу дошло... Когда выписалась, попросилась на фронт. Отказали. Мы, метростроевцы, строили оборонные сооружения и оборонительные рубежи. По вечерам тушили зажигалки. Я тогда жила на улице Чкалова в доме № 14. Только пришла домой — тревога. Схватила рукавицы и быстрее на крышу. Смотрю, из чердачного окна вылезает и тянет за собой пожарный шланг сам Давид Ойстрах, наша знаменитость... В этот момент дом сильно качнуло, мы упали и покатились, но каким-то чудом удержались на крыше. Потом узнали, что невдалеке, на улице Чаплыгина, бомба попала в дом... Москва военных лет... Закамуфлированные дома, разрисованный художниками под крыши с печными трубами асфальт... Под этим асфальтом в тоннелях метро шла своя жизнь. В первые же месяцы метрополитен стал огромным ночным убежищем, в тоннелях деревянные настилы и двухъярусные нары, устроены санузлы, в недостроенных эскалаторах — временные лестницы, дополнительные вентиляционные установки. А наверху сооружались три оборонительных рубежа: первый — по Окружной железной дороге, второй — по большому Садовому кольцу, третий — по кольцу «А». В конце сентября был созван партийный актив города, я как член горкома присутствовала на нем. 20 октября было введено осадное положение.

«Вся Москва поднялась на защиту своих границ, своих улиц, на жестокую битву за честь и свободу... Каждая улица, каждый дом — крепость обороны столицы» — это строчки из № 34 «Огонька», вышедшего 3 ноября 1941 года. Да, он выходил регулярно, неделя в неделю, несмотря на воздушные тревоги, бомбежки, нарушенное движение транспорта, холод (поставки угля прекратились), недоодевание... Четко, под вой сирен работали репортеры и фотокоры, рассказывая о рабочих батальонах, о донорах и о Большом театре, в здании ко-

1941 год. Остатки фашистского самолета, сбитого на подступах к Москве.

1942 год. 1-й гвардейской стрелковой бригаде вручено гвардейское знамя.

1941 год, июнь. Митинг на заводе «Красный пролетарий».

1942 год. На окраине Сталинграда.

того попала бомба... Москвичи, писали репортеры, делают минометы, мины, противотанковые ружья, а на заводе «Компрессор» — чего автор не знал тогда, а теперь это известно — рождались грозные «катюши». На страницах журнала не только Москва — оборона Одессы, защита Ленинграда, фотографии рам, из которых вырезаны и подготовлены к отправке в Германию картины Музея в Ясной Поляне, разграбленный дом, в котором творил Чайковский...

Но мы снова возвращаемся с Татьяной Викторовной к тому ноябрьскому номеру.

— Отчетливо помню день 6 ноября 1941 года. Очень пуржило. На улицах мало прохожих. Вместе с секретарем Советского района партии Ильей Александровичем Новиковым идем на станцию метро «Маяковская». В вестибюле тщательно проверяют пропуска. В конце станционного зала трибуна. На путевых тоннелях голубые

экспрессы с раскрытыми дверями. В них буфет — бутерброды, чай... Из двухвагонного состава, подошедшего к перрону, выходят члены ЦК партии и правительства. Торжественное заседание, посвященное Октябрю, как всегда, состоялось. Не было в мире сил, способных ему помешать, как не было сил, способных сорвать традиционный военный парад на Красной площади! На следующий день в райкоме, где мы жили на казарменном положении, в 6 часов 30 минут утра нам вручили пропуска. Иду переулками от Миусской площади на улицу Горького. Во всю ее ширину до кремлевских стен стоят, урча моторами, танки. На часах Центрального телеграфа 7.30. Я прибавила шаг. Счастливое, ни с чем не сравнимое чувство охватило, когда ступила на каменную, звонкую брусчатку нашей Красной площади: вопреки всем замыслам врага парад, как и подтвердил ликующий голос Юрия Левитана, разнесенный всеми радиостанциями Советского Союза, начинается! За громадой прожитых лет он видится сейчас провозвестником Победы.

Советские войска, ведя оборо-

нительные бои, сумели героическим сопротивлением измотать силы врага, и тот утратил свой наступательный порыв. В начале декабря войска трех фронтов решили в контрнаступление. Враг понес большие потери и был далеко отброшен от столицы. «Выстояла гордая советская Тула!» — радостно оповещает «Огонек» в январе 1942 года. Очищены от врага Малоярославец и Медынь, красное знамя над Можайском, освобождены Андреаполь, Торопец, Бородино... Но вот снимок, заставляющий содрогнуться сердце: трупы замученных женщин, стариков, детей.

— Это же Калуга! — воскликнула Татьяна Викторовна. — Под Новый год, 28 декабря, я во главе делегации Советского района Москвы выехала на фронт. Везли мы подарки бойцам. Путь на Тулу. Трудно ее было узнать: ежи, колючая проволока, одинокие печи от труб на окраинах... Армию ге-

нерала Болдина нагнали уже в Калуге, которую он только что освободил. Вот там-то на площади мы и увидели эти зверства... Запомнились слова разведчика Трубинова: «Не сложим оружия, пока не перебьем всех фашистов!»

Из номера в номер на страницах «Огонька» целыми полосами хроника бессмертного подвига «Память о них будет жить в веках!». Портреты панфиловцев, Доватора и Гастелло, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, комсомольцев Волоколамска... Из номера в номер страницы отличившихся на фронтах: старший сержант Хазимурзы Мильдзигов, летчик подполковник Сафонов, вчерашняя студентка ГИТИСа Зибя Ганиева, снайпер Максим Пассар, летчик Пусэп, снайпер Людмила Павлюченко... Люди разных национальностей, представляющие разные республики, были едины, жили одной мыслью — разбить, унич-

Северный флигель. Здесь В. И. Ленин жил в первое время своего пребывания в Горках.
Фото Ф. Комарова, А. Макарова

Освещенное лучами апрельского солнца Каширское шоссе уходит к горизонту.

Вот и большое двухэтажное здание с шестью белыми колоннами, что стоит в чудесном старинном парке. Рядом с домом два флигеля. Это мемориальный Дом-музей В. И. Ленина в известных и дорогих человечеству Горках Ленинских.

В Подмоскowie немало живописных мест, прекрасных усадеб. Однако Владимир Ильич местом своего пребывания выбрал именно Горки. Сохранилась запись, сделанная ленинской рукой на листках блокнота: «По Серпуховскому шоссе около 20—23 верст. Проехав железнодорожный мост и затем второй, не железнодорожный, мост по шоссе, взять первый поворот налево (тоже по шоссе, но небольшому, узкому) и доехать до деревни Горки... Всего от Москвы верст около 40».

Почему именно Горки полюбили Владимиру Ильичу?

Объясняется это и красотой здешних мест, и близостью к Москве, и тем, что в усадьбе Горки было электрическое освещение и прямая телефонная связь с городом, что создава-

— В начале семидесятых годов было принято решение о создании Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» и охранной зоны, общей площадью около десяти тысяч гектаров,— рассказывает он.— Какие работы предусматривалось провести по этому проекту? Намечено полностью воссоздать ландшафт Горки двадцатых годов, а также восстановить и отреставрировать памятные ленинские места. Это прежде всего школа-интернат, здание бывшего совхоза «Горки ВЦИК», платформа Герасимово, откуда отошел траурный поезд, дом крестьянина В. А. Шульгина...

Перед реставраторами стояла сложная задача, но нам повезло: живы еще некоторые бывшие ученики, сохранились инвентаризационные чертежи. Оказалось, что здание школы за эти годы претерпело существенные изменения. Поэтому пришлось, например, снести две входные террасы второго этажа и восстановить утраченные элементы постройки, окраску стен и полов.

Дом крестьянина В. А. Шульгина в Горках, где 9 января 1921 года выступил с докладом Владимир Ильич, не сохранился до наших дней. Остались цоколь белокаменного фундамента, два наличника на северной террасе. По фотографиям 1924 года и воспоминаниям очевидцев удалось полностью восстановить облик дома В. А. Шульгина, его внутреннюю обстановку.

Отреставрировали мы и пассажирский вокзал, восстановили дом дорожного мастера и пассажирский навес.

Интересна история создания этой платформы. В конце прошлого века общество Рязан-

ВЕСНА В ГОРКАХ

В этой комнате работал Владимир Ильич Ленин.

ло необходимые условия для государственной работы. В Горках В. И. Ленин написал немало важных статей и докладов, подготовил часть документов, которые легли в основу решений X и XI съездов партии, VIII, IX и X Всероссийских съездов Советов, I съезда Советов СССР, III конгресса Коминтерна.

Окружает усадьбу чудесный парк. Владимир Ильич называл его «зеленым кабинетом». Здесь у него были свои любимые места. Беседка на краю откоса, откуда открывается изумительный вид на деревню Горки. Виден и далекий зыбкий силуэт Подольска. В 1900 году, возвращаясь из сибирской ссылки, Владимир Ильич заезжал туда, чтобы встретиться с матерью.

Весной 1920 года по инициативе В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Горках на берегу Пахры была организована школа для детей крестьян окрестных деревень. Зимой ребята перешли учиться в жилой флигель в усадебном парке. Так появилось известное на всю страну детское учреждение. В 1921 году на его основе была открыта начальная школа-интернат первой ступени. В 1925 году ее преобразовали в школу-интернат крестьянской молодежи второй ступени. Надежда Константиновна передала в школу кинопередвижку, которая была у Владимира Ильича. И по вечерам для детей демонстрировались фильмы.

В 1965 году рядом со старой школой строители возвели прекрасный современный комплекс учебных и жилых зданий школы-интерната памяти В. И. Ленина.

Сейчас в Горках заканчиваются реставрационные работы. Все восстанавливается, как было в те дни, когда здесь жил Владимир Ильич. Огромная заслуга в этом коллективов Дома-музея и треста «Мособлстройреставрация». Я беседую с главным архитектором треста Ю. Д. Беляевым.

ско-Уральской железной дороги вело строительство линии Москва—Павелец. Линия должна была пройти недалеко от усадьбы Горки, которой в то время владели братья Герасимовы. Они проявили максимум настойчивости и в конце концов добились открытия пассажирской платформы. Событие это имело тогда широкий резонанс.

В 1924 году платформа получила название Ленинская. Три десятилетия спустя неподалеку от старой станции был построен мемориальный вокзал.

При восстановлении утраченных построек помогли воспоминания бывших красноармейцев, рабочих, кино- и фотоматериалы 20-х годов.

Интенсивность железнодорожного движения оказывает сегодня неблагоприятное воздействие на старые придорожные строения. Поэтому между железнодорожными путями и мемориальной платформой возведена специальная виброзащитная дамба...

...В нескольких километрах от железной дороги находится бывший совхоз «Горки ВЦИК», организованный в 1919 году по инициативе Ленина. Этому хозяйству Владимир Ильич уделял пристальное внимание. Он присутствовал на испытаниях первого совхозного трактора, часто бывал на ферме, беседовал с рабочими. По его указанию для работников совхоза был организован клуб.

Ленин мечтал превратить «Горки ВЦИК» в образцово-показательное хозяйство. Эта мечта стала реальностью в наше время. Колхоз имени Владимира Ильича, организованный горкинскими крестьянами в 1924 году, сейчас одно из лучших хозяйств области.

М. ГЕРАСИМЕНКО

2-
3-
4-
5-
6-
7-
8-
9-
10-
11-
12-
13-
14-
15-
16-
17-
18-
19-
20-

П. Васильев. В. И. ЛЕНИН. 1970.

2-
3-
4-
5-
6-
7-
8-
9-
10-
11-
12-
13-
14-
15-
16-
17-
18-
19-
20-

Н. Сысоев. В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА. 1980.

Н. Сысоев. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА ПЕРЕД КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ ГОРКИ 9 ЯНВАРЯ 1921 Г. 1979—1981.

УВЛЕЧЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

Юрий К У Г А Ч,
народный художник СССР,
действительный член Академии
художеств СССР

Апрель... Весенний русский пейзаж. Озарены мягким утренним светом белоствольные березы. По еще влажной от талого снега земле скользят прозрачные тени. Прелестна пробуждающаяся природа. В картине будто слышишь птичий гомон, музыку весны. На большом холсте изображен Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской и сестрой Марией Ильиничной. Их лица, освещенные солнцем, светлы и приветливы. Все полотно пронизано атмосферой душевности, праздника.

«В день рождения В. И. Ленина» назвал свою картину Николай Александрович Сысоев. Она написана художником в 1969—1980 годах. И этот немалый срок исполнения отразился в добротной, станковой живописи произведения, в серьезном рисунке, правдивости и продуманности композиции. Это полотно невольно трогает зрителя своей искренностью, задушевностью, реалистической полновесной манерой письма.

Черты правдивости, взволнованности, глубокой причастности художника к изображаемому свойственны творчеству Николая Сысоева, который показал на своей выставке в городе Калинин около двухсот пятидесяти работ. Мы знакомимся с произведениями мастера, созданными в самых различных жанрах на протяжении более тридцати лет. Портреты современников, пленэрные этюды, жанровые композиции, рисунки — все эти работы говорят о незаурядном таланте художника, о его глубокой приверженности к родной ему теме, об огромном труде скромного, но сильного мастера.

В 1981 году Н. А. Сысоев создал еще одну картину, посвященную Владимиру Ильичу. В ней сказались верность начатой им еще в 1948 году теме — посещению Лениным деревни Горки и беседе его с крестьянами.

На этом новом холсте изображена большая изба, полная народу. Все, все в деревне пришли на эту встречу. Это было 9 января 1921 года. Автор картины стремился как можно более правдиво воссоздать обстановку той исторической беседы, он разыскал фотографии участников, писал этюды интерьера. И вот перед нами холст.

Освещенные светом керосиновой лампы, тесно обступили крестьяне Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Уже более двух часов продолжается задушевный, откровенный разговор. На картине запечатлен момент, когда Ленин, приветливо улыбаясь, отвечает на вопрос пожилого крестьянина в поддевке. С пристальным, глубоким вниманием все слушают слова Ильича. Участники сходили потом вспоминали: «От ленинской речи в избе стало как-то светлее и на сердце радостнее».

И это состояние приподнятости, озарения слушателей прекрасно передано художником. Сказалась огромная предварительная работа, проведенная им и позволившая достичь достоверности характеров и портретного сходства персонажей. Среди них И. Д. Макушкин — бывший рабочий московской типографии, тогда первый и единственный коммунист села, участник гражданской войны крестьянин А. М. Шурыгин, хозяин дома В. А. Шульгин и другие.

Можно себе представить, какие горизонты раскрылись тогда перед крестьянами.

Пусть коптила и чадила керосиновая лампа, пусть тесно в избе, пусть за окнами трещал мороз, но сердца людей согреты рассказом вождя о грандиозных перспективах развития России, которые были обсуждены на только что закончившемся VIII съезде Советов, когда с высокой трибуны прозвучали вещие слова вождя революции: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

По рассказам участников, беседа прервалась внезапно. Кончился керосин в лампе. Народ расходился в темноте. Но в души людей вошел свет веры в правду ленинских слов.

Художнику удалось передать взволнованность и историческую значительность этой встречи.

Что особенно отличает полотно? Редкая правдивость, истинная увлеченность художника, которая отразилась в прекрасно выписанных портретах участников встречи, реально переданной обстановке. И, конечно, гражданственная наполненность задачи, поставленной перед собою живописцем и находящей чуткий отклик в душах зрителей.

Николай Александрович Сысоев первоначальное художественное образование получил в Московском художественном училище «Памяти 1905 года» (1934—1938). В те годы там очень хорошо осуществлялось преподавание, царил творческая атмосфера, и студенты горели желанием учиться. Среди энтузиастов, занимавшихся буквально с утра до ночи, был и Николай Сысоев. Он выделялся своей одаренностью, пылкостью и любовью к работе. Выполнение бесчисленных этюдов и рисунков сверх обязательной программы очень помогало ему в учебе.

Окончив училище и поступив в Московский государственный художественный институт (ныне имени В. И. Сурикова), будущий художник продолжает с тем же рвением постигать секреты мастерства. В институте, руководимом И. Э. Грабарем, студенты воспитывались в духе реализма, поэтому и живопись и рисунок требовались полнокров-

ные, как можно ближе передающие жизнь и натуру. Николай Александрович и по сей день остается верен этим принципам.

Уже в годы учебы определились его вкусы и привязанности. Бесконечно любя и восхищаясь великими мастерами прошлого, он чувствовал наиболее близкими себе русских художников, и в первую очередь И. Е. Репина и В. И. Сурикова.

Помню, как в 1936 году, к моменту окончания училища по классу Николая Петровича Крымова, на защиту наших дипломов приехали Игорь Эммануилович Грабарь и Сергей Васильевич Герасимов. Они решили тогда отбирать наиболее способных из выпускников для вновь созданного Московского государственного художественного института. Среди этих талантливых ребят был и Николай Сысоев.

С самого начала московский институт отличался удивительно сильным составом профессоров — Борис Иогансон, Александр Дейнека, Егор Рязский, Григорий Шегаль, Александр Осмеркин, Василий Починталов, Петр Покаржевский. Все они отдавали много сил и дарования, чтобы воспитать в нас настоящих художников, не жалели энергии, чтобы привить нам навыки и традиции русской реалистической школы, воспитать глубокое уважение к шедеврам мировой классики. В коридорах и залах института постоянно экспонировались репродукции с картин лучших мастеров.

И это все вместе с настойчивой академической школой заставляло нас стремиться к высоким идеалам красоты, к совершенству. В этом был огромный смысл становления современного искусства живописи, ее преемственности великим традициям прошлого. Серьезность натурной работы, а она не прекращалась и летом на академической даче в Крыму в Козах, заставляла студентов познавать тайны пленэра, становиться настоящими мастерами-станковистами.

В 1949 году Сысоев создал свое первое большое полотно «В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках в 1921 году». Я наблюдал, как тщательно и упорно собирал этюды и наброски к этой сложной композиции молодой художник. Многие десятки полотен составили бы маленькую галерею персонажей писанных с натуры крестьян, в которых как бы ощущается живая плоть того времени. Холсты поражают подлинностью наблюдения. Вот эта непосредственность, простота и отличают творческий метод живописца.

В 1947—1948 годах неподалеку от Вышнего Волочка был создан Дом творчества художников «Академическая дача». В числе первых живописцев, начавших там работать, оказался и Н. А. Сысоев. Позднее, познакомившись с местными жителями, многие из которых впоследствии стали героями его картин, и покоренный красотой окружающей природы, Николай Александрович обосновался в ближайшей деревне, где построил себе мастерскую. С тех пор он почти безвыездно там живет и работает.

Именно здесь содержанием его произведений становится жизнь колхозной деревни, написаны картины о ее мирном труде и быте, о тяжелых годах военного времени. Все работы создавались на местном материале. Пробразами героев служили односельчане и жители близлежащих деревень. Поэтому Николая Александровича знают буквально все в округе, а у некоторых в домах висят репродукции с его полотен.

Н. А. Сысоевым написано несколько картин, посвященных В. И. Ленину. Во всех картинах Ленин изображен среди народа, окруженный людьми, близкий им, простой и человечный.

В пейзажах Н. А. Сысоева видна любовь к родной природе. Он прекрасно передает ее настроение и состояние в любое время года, пишет деревни, перелески — всю неброскую красоту наших мест. Николая Александровича часто можно видеть работающим на пленэре: и ранней весной у бегущего, журчащего ручья, пробивающегося сквозь снег, и летом в лесу у покрытых мхом елей, и осенью среди золота берез, у сверкающего темной голубиной озера. Он поэт родной земли.

...Порою мы как бы проглядываем и не очень замечаем художников, работающих самоотверженно, увлеченно над своей темой много-много лет, и потом вдруг как будто обнаруживаем этого мастера вновь, увидев его произведения, собранные в одной экспозиции. Картина «Ленин на субботнике», как, впрочем, и «Ленин в Горках» и новые холсты его, стали теперь заметным явлением в живописной Лениниане. Это результат преданности художника одной кардинальной теме, захватившей целиком помыслы живописца, буквально с первых самостоятельных его шагов в искусстве. Сысоев посвятил всего себя русской природе, своему Отечеству, страницам истории народа и образу вождя Октября — Владимира Ильича Ленина. Его кредо: «Языком живописи рассказать будущим поколениям о героическом современнике, о его замечательных делах и свершениях, поведать потомкам и донести до них неповторимый и любимый образ Владимира Ильича Ленина».

Думается, что художник многого достиг в исполнении этой благородной задачи. Голос его картин — простой, доходчивый и в то же время своеобразный и сердечный — покоряет зрителя правдой и искренностью. В этом — сила и обаяние многочисленных творений Николая Александровича Сысоева.

СУДЬБА АБРИКО

Муталиб МИТАРОВ

ПОЭМА

О сердца неотступное веление —
Какое имя я произношу!
Трепещет сердце:
Я пишу о Ленине,
О молодости Родины пишу.
Ильич родной!
Он мир перевернул —
И не было подобных потрясений...
Войди в любой в горах моих аул,
И ты узнаешь, что такое Ленин.
Как реки гор, бушуют наши дни,
С вершин своих
Впадая в русло века.
Но лучше в душу горца загляни —
Чтобы узнать большого человека,
Великого,
Ведь он живет в сердцах
Простых людей,
Которых — миллионы!
И мысль его
В нас
Бьется напряженно,
Вот почему он будет жить в веках.
Он — это мы,
Сегодняшние — мы!
Нет сил таких, чтоб нас сегодня
смяли,
Ведь никогда еще мы против тьмы
Так рядом с ним
Так крепко не стояли!
Ильич родной!
О нем веду рассказ
И все боюсь, что жизни этой
пламя
Я пригашу
Расхожими словами
Иль вдруг уйду в ненужный мир
прикрас.
Великое, оно не терпит лжи,
Великие святою правдой живы.
Прикрасы лишь для мертвых
хороши,
А он — живой!
Не будь же,
Слово,
Лживым!
О сердца неотступное веление —
Какое имя я произношу!
Трепещет сердце: я пишу
о Ленине
О молодости Родины пишу.

* * *
Цепями рабства был закован день.
Пространство жизни
И земли пространство —
Во времени иль в мире скорбном
странствуй —
Все закрывала рабской жизни
тень.
На всей земле —
Одна сплошная ночь,
Глумленья ночь,
Бесчестья
И позора...
И ОН пришел
Униженным помочь
И шар земной объял орлиным
взором.
Еще свободы светлая заря
У нас не занялась
В Табасаране,
Но говорили меж собой крестьяне,
Что в Петрограде сбросили царя.
Летели дни и месяцы...
В горах
Не видели каких-то изменений.
Но все теплей,
Все чаще
На устах
Задерживалось пламенное —
Ленин!
Но беднота (о этот мир
наивный!)

Не знала:
Ложь порой опасней пульс...
И объявлял делец себя набом¹,
И каждый мнил,
Что он-то — хакилюль²!
Они в горах змеей ползли не зря,
Лесть с клеветой —
Под лицемерным взглядом,
Травившие дыханье Октября
Религиозной фразой, словно ядом.
— Ну где же мир,
Что Ленин обещал?
— Да и земля по-прежнему
у хана...
— Все это, люди, кончится
обманом!..—

Любой «пророк»
На площади вещал.
Коварный враг глядел на зарубеж,
Ждал помощи
От дальних стран и близких...
И о «народе» говорил Гоцинский³,
Уже тогда готовивший мятеж.
Как древо смерти,
На земле расцвел
Разбой кровавый —
Тяжко ныли раны...
И вдруг Деникин с войском
подошел.
На помощь нашим свергнутым
тиранам.

О родина,
То плакали не росы —
Стонала ты...
Шли по земле враги.
И плакали, как люди, абрикосы,
Роняя наземь слезы-лепестки...
И в эти дни крылатые слова
Дошли до нас,
До каждого аула,
Что не сдается красная Москва,
И ты с надеждой, родина,
вздохнула.

* * *
А жизнь была — как по России
всей:
Болезни.

¹ На иб — помощник начальни-
ка или духовного лица.
² Хакилюль — правитель.
³ Гоцинский — один из гла-
варей контрреволюции на Север-
ном Кавказе.

Голод. Холод. Разоренье...
Но повторяли
Чаще и теплей
То согревающее слово —
Ленин!
Он был отцом всех бедных,
потому
Однажды члены горского Совета
В далекую столицу за советом —
Как дальше жить? —
Поехали к нему.
Ну что ж, мои герои, в добрый
час!
В родной Москве пожмите руки
братьев!..
И тут я прерываю свой рассказ —
Настал черед поведать об адате¹.
Адат простой.
Живет который век.
Он, видимо, как горы наши,
старый:
Когда приходит в гости человек,
Ему вручают что-нибудь
в подарок.
Адат простой.
Живет не первый век,
Придуман горцем с чистою
душою:
Когда уходит в гости человек,
Берет в подарок что-нибудь
с собою.
И каждый горец бесконечно рад
Хоть — что скрывать? —
На сердце беспокойно:
А будет ли, все думает, достойным
Вождем народов
Скромный их савхат²?
Вот каменщик.
Волшебными руками
Он серп и молот вырезал
из камня.
Зажглась звезда под мастера
резцом —
И камень стал страны моей
гербом.
И на ковре, где мой родимый
край
Очерчен нитью яркой,
В обрамленьи
Лучей рассветных проступило —
ЛЕНИН,
То — дело рук ковровщицы
Шамай³.
Рутульцы руты разведали давно.
В Ботлихе бурку белую скатали.
И каратинцы выткали сукно.
Ну и хинавцы «золото»⁴ достали.
Все говорили, что савхат хорош.
Хорош савхат. А все-таки...
а все ж...
И, вспомнив унцукульских
мастеров —
О них легенды по земле ходили⁵,
Их о подарке попросить решили...
И просьбу нашу поняли без слов.
Потом собрались на совет с утра
Известные умельцы-мастера.
И самым первым Магомед изрек:
— Что говорить... великий
человек...
И друг его сказал, Нурмагомед:
— Такого человека больше нет!..
Беседовали, рядышком присев...
А утром шли по склонам и
по кручам,
Чтоб в роще абрикосовых дерев
Найти одно — могучее, без сучьев.

¹ Адат — обычай.
² Савхат — подарок.
³ Шамай — известная в 20—
30-х годах ковровщица.
⁴ Около села Хинав находятся
руды медного колчедана.
⁵ Известные мастера инкруста-
ции по дереву металлами.

Они срубили бережно кизил
И вырыли боярышник с корнями,
Ощупывая чуткими руками...
Но каждый чем-то недоволен был.
А ночью,
Когда зыбкий лунный свет
Летел в окно, таинственно мерцая,
О дереве мечтал Нурмагомед,
О детстве отзвеневшем вспоминая,
Как он у Гергебиля был в гостях.
И как садовник,
Дань отдав расспросам,
Вдруг подарил мальчишке
абрикоса
Известный сорт — прекрасный
хокобах.
И во дворе, у каменной стены,
Был саженец мальчишкою
посажен...
Среди камней. Напорист
и отважен,
Он матерел с весны и до весны.
Мальчишка ил носил ему с реки.
Водою поливал его...
И вскоре
Зеленые забили язычки
На голубом подоблачном
просторе.
И небосвод в листе его тонул...
Когда ж пришла пора
плодоношенья,
Как будто к божеству
на поклоненье,
Шел посмотреть на дерево аул.
Вкуси тот плод из солнца и воды —
И ты услышишь солнечное пламя...
Сравнил бы я с айвовыми плодами
Те абрикоса знойные плоды.
Другой сосед его
Был богачом.
И предложил богач Нурмагомеду
За дерево («Как не помочь
соседу!»)
Корову с телкой,
Лошадь под седлом.
Но отвечал ему Нурмагомед:
— Ты зря о нас так истово
хлопочешь.
Спасибо, что помочь решил,
сосед...
Но дерево священо,
как источник¹.
И он прошел из дома за сарай,
Где солнышко
Закатное пылало,
Как будто в самом деле
предвещало
Нурмагомеду добрый урожай.
Три дня прошло. Еще цвели сады...
И, выходя из сакли на рассвете,
Он вдруг увидел,
Что поблекли ветви,
Завяли снежно-белые цветы.
Он побежал за илом,
Перегоняя
Подкладывал под дерево,
Водою
Поил его
И все шептал:
«Постой...
Не умирай...
Мы справимся с бедою!..
— То ранняя весна всему виной, —
Нурмагомеда утешали люди. —
Придет тепло и дерево
разбудит, —
А он качал, не веря, головой.
— Нет, дымчатый на дерево туман
Подействовал, — другие повторяли.
И старики, согласные, кивали...
Но утешенье хуже, чем обман.

¹ По закону гор горный источник
нельзя продавать — он священен.

СОВОГО ДЕРЕВА

А третьи говорили: — Черный глаз
Нагнал на дерево, как на ребенка,
Порчу...

— Все от аллаха в мире,
Не от нас... —
Мулла молился, свой исход

И осыпался иссушенный цвет
И развеялся ветром за стеною...
И все печальней был Нурмагомед,
Лаская взглядом дерево больное.
Беда одна не ходит...

Утром рано
Он выводил на пастбище баранов.
Они с разбегу бросились туда,
Под дерево...

— Беда, аллах, беда!.. —
Нурмагомед беспомощно

Метнувшись торопливыми шагами
К баранам...

И как вкопанный стоял
Над голыми, погибшими корнями.
Он все смотрел из-под туманных

На мертвые,
Погубленные корни...

Нет, не весна,
Жестокий человек
По ним прошелся гибельной

Враги народа и враги земли,
Которые за счет его плодились,
Они с земли —

Он понял —
Не ушли,
Они в горах на время притаились!

Живут,
Прямые дети сатаны,
Как пауки, забились глухо в щели...

И вспоминал он крепость Араны¹
И бой с Гоцинским —
Смертный бой в ущелье,

Как раз в те дни
Весть черная пришла
О покушение...

Только просчитались
Все те, что на свободу

И смерть контрреволюция нашла!
И размышлял опять Нурмагомед,
Облокотясь на дерево устало,

О сути человека
И металла
И все искал на свой вопрос ответ:

Металла не хватает для серпов,
На лемеха металла не хватает...
Но пуль все больше в мире

Как будто впрок
На тысячи годов
Готовят их...

Как будто впрок
На тысячи годов
Готовят их...

...

...Он в темноте лежал,
И душу жгло холодное железо.
И абрикос тот самый вспоминал,
Который он на чурбаки разрезал.

И он в сарай вошел, Нурмагомед,
И вытащил болванку из-под

И был на ней ножа заметен след,
Как давняя — не затянулась —

Потом, осунувшийся и худой,
Сидел за делом днями и ночами
И мазал жиром,
Смачивал слюной

И так забились радостно сердца
В тот миг,
Когда

К НЕМУ
Открылись двери!
Ильич родной!

Он тут же быстро встал

Свои ладони с твердыми буграми...
И оставлял резец веселый след
На дереве.

Узор преображался...
И, глядя на него,
Нурмагомед,

Довольный,
Как мальчишка, улыбался.
А Магомед в те дни подогревал

К узору
Мельхиора заготовки,
Не допуская трещинок и ломки,
Под тяжесть клал и форму

О мастер!
Ты над формой властелин,
Ты можешь все,
Пока ты, мастер, в силе!..

И двадцать тысяч радужных

Узор умельцев светом оживили.
Так дар-достойный создан ими был.
Все могут мастера,
Покуда в силе!

Подсвечники — на них пошел

Умельцы тоже сделать не забыли,
И деревянный нож, чтоб разрезать
Бумагу можно было без усилий,
И трость вождю, чтоб легче мог

Все могут мастера, покамест

Огнем свирепым лица жег мороз.
Бушуют вьюги,
Но кипит работа —
До тьмы в глазах

От голода,
До пота,
Чтоб отступили голод и хаос.
Москва рабочая.

Дымится высь.
И над Кремлем — алеющее знамя.
Станки поют.

И входит в силу жизнь,
Как дерево — под светом

Москва рабочая.
Февраль.
Рассвет,
Клочками туч, как оспой,

Вошел Ильич в рабочий кабинет
И посмотрел на календарь

И по лицу прошла заботы тень
И стала светом медленно

Посланцы
Дагестана
В этот день

Должны прибыть.
И встреча — на двенадцать.
...Кремль широко ворота отворил,
Входите, мол,

И красотою древней восхитил
Простых людей,
Взволнованных,
В папах.

И вспомнил каждый деда и отца:
«Вот расскажу, что видел, —
И так забились радостно сердца

В тот миг,
Когда

К НЕМУ
Открылись двери!
Ильич родной!

Он тут же быстро встал

Из-за стола,
Навстречу устремляясь,
Так по-родному
Горцам улыбаясь,
Как будто каждого

Он: — Проходите, —
Горцам говорил,
Все так же улыбаясь им знакомо,
И каждого:

— Садитесь, — пригласил.
И каждый чувствовал себя

Он говорил...
А горцы на него
Во все глаза глядели и молчали.
Его идей бессмертных торжество

Они во взгляде
Ленинском читали.
О, этот жест!
Молниеносный взгляд!
Слова его,
Что западали в душу!..

Он с ними был,
Но больше был
В грядущем!
И горцы тихо молвили:
— Устад...!

И, становясь смелее и смелее
(От их молчанья не осталось
Они вели душевную беседу,
Так говорят друзья
Среди друзей;
И все яснее
Сказанного смысл,
Они уже того не замечали,
Что ленинские фразы
Повторяли, —
Их поражала ленинская мысль.
Он обо всем поведать им
Как много дел и планов
Архисложных!..

А им казалось:
Он не говорил,
А здание строил,
Долгий труд итожа.
В какую даль проник мечтою он!
А на листок
Легли слова незримо
О том,
Что им теперь
Необходимо:
Мануфактура... транспорт...
Он знал, как обескровлена страна.
Они глядели,
Как он быстро пишет:
Грузовики... бумага... семена...
И — привились субботники —
Чуть ниже.
Он весь преобразился на глазах!
А гости вдруг припомнили
Поспешно,
Что хорошо — так хорошо! —
В гостях,
Но вовремя уйти —
Важней, конечно.
И скатерть расстелили, а на ней —
Читатель знает,
Потому опустим
Слова о том,
С каким большим искусством,
С каким душевным, человеческим

Исполнен дар
От родины моей!
И засиял рассветным солнцем дар

Пред Ильичевым
Восхищенным взором —
Так по-родному
И карандаш с невиданным узором.
Его глаза теплом души сияли.
И он сказал
Всей добротой своей:
— Чтоб о таланте горцев люди

Вы передайте это все в музей...
Но делегаты, с Ильичем ничуть
Не согласясь,
Сказали виновато:
— Мы не хотим перечить Ильичу,
Но есть адат...
Так как же быть с адатом?..
Он посмотрел —
О, этот чуткий взгляд! —
На каждого,
Глаза его смеялись:
— Вот мудрецы...
Ну если уж адат!.. —
И все шедевры у него остались...

Февральская голодная заря.
И кабинет.
И быстрый-быстрый почерк...
Те цифры на листке календаря,
Что стали хлебом,
Светом среди ночи.
Голодный год.
Рабочая Москва.
Родной Ильич.
Его рукою мудрой
Написаны всеильные слова —
И занялось над Дагестаном утро.

Читатель мой!
Ты добр и очень строг —
С того в чести в стране моей

Нет у поэта
От тебя секретов —
Я песню спел...
Я все сказал, как мог.
Я песню спел.
Сегодня твой черед...
Пусть в чем-то я не прав.
Но в главном прав я!
Все на земле судьбой своей живет.
А дерево?
Судьба его — в заглавье.
Высокая, завидная судьба.
Его и убивали —
Не убили!
Как из народов,
Что в дурмане жили,
Пытались сделать из него раба.
Пытались сделать так,
Чтоб даже след
Его исчез с земли моей

Жив абрикос!
Душой таланта честной
Несет он людям
Свой бессмертный свет.
Жив абрикос!
И будет жить века:
Ведь в мельхиоре,
Словно в небе чистом,
Взгляд отражался Ильича

Его касалась
Ленина

Перевели с табасаранского
Владимир ФИРСОВ и
Иван САВЕЛЬЕВ.

1 Араны — крепость в горах, где
красные партизаны летом 1918 го-
да отразили натиск банд Гоцин-
ского.

...ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ И ОТДЫХА

15 апреля 1919 года, в разгар гражданской войны, когда перед молодой Советской страной вставало огромное число самых неотложных задач, из Кремля ушло распоряжение:

«Телеграмма Х. Г. Раковскому
Киев, Председателю Совнаркома Украины
Копия Наркомвоен Украины
Ввиду новой постановки курортного дела в Республике и в интересах предоставления курортов для лечения и отдыха инвалидам войны и труда, изнуренным красноармейцам и истощенным рабочим севера необходимо принять срочные меры к охране южных курортов, отвоеванных Красной Армией.
Прошу немедленно дать распоряжение начальникам военных частей, оперирующих на юге России и Таврическом полуострове, принять самые строгие меры охраны от разрушения и расхищения лечебных приспособлений, построек, инвентаря, насаждений, материалов и запасов на курортах юга России и Крымского полу-

И. И. Козлов. В. И. Ленин и развитие санаторно-курортного дела в СССР. М., Профиздат, 1982, 236 с.

острова, Одессы, Голый Пристан, Бердянска, Мойнак, Саки, Евпатории, Севастополя, Балаклавы, Ялты, Алушки, Гурзуфа, Алушты, Феодосии, Керчи и других.

Предсовнаркомом ЛЕНИН».

Этот документ — одно из ярких свидетельств того значения, какое Ильич постоянно придавал охране здоровья трудящихся. Лениным были разработаны основополагающие принципы государственной политики в области здравоохранения, и в частности санаторно-курортного дела. Они получили свое воплощение в декретах и постановлениях Совнаркома, других документов, подписанных В. И. Лениным, его переписке с Н. А. Семашко и Д. И. Ульяновым, распоряжениях, записках, которые теперь в точном соответствии с оригиналами впервые собраны воедино в книге И. И. Козлова «В. И. Ленин и развитие санаторно-курортного дела в СССР», любовно, на высоком полиграфическом уровне выпущенной Профиздатом.

Сегодня, когда к названным в ленинской телеграмме знаменитым крымским курортам прибавились сотни и сотни великолепных здравниц во всех краях и республиках нашего многонационального государства и миллионы советских

людей имеют право и возможность пользоваться ими при первой необходимости, с особым чувством оцениваешь ленинскую заботу о народном здоровье, которую вождь революции проявлял на заре Советской власти. Уже тогда были определены лечебные местности общегосударственного значения, даны принципы организации отдыха и лечения, питания и снабжения курортов.

Обо всем этом с живым интересом и подлинным знанием существа проблем рассказывает автор, крупный организатор профсоюзного дела, более двух десятилетий председатель Центрального совета по управлению курортами профсоюзов. Большое достоинство книги И. И. Козлова составляет показ того, как идеи Ленина в этой сфере претворялись в жизнь на разных этапах коммунистического строительства в нашей стране. Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно развивали и развивают советскую курортную систему. Если до революции красноречиво звучали только фамилии владельцев курортов: великие князья Романовы, принц Ольденбургский, граф Воронцов, князь Юсупов, — то ныне сами за себя убедительно говорят цифры: уже в 1975 году санаториев, пансионатов с лечением и санаториев-

профилакториев в стране функционировало 4551 на 667 тысяч мест. За годы десятой пятилетки во всех здравницах, домах отдыха и турбазах лечилось и отдыхало свыше 260 миллионов трудящихся и членов их семей. К началу одиннадцатой пятилетки общие эксплуатационные запасы минеральных вод составляли 485 миллионов литров в сутки.

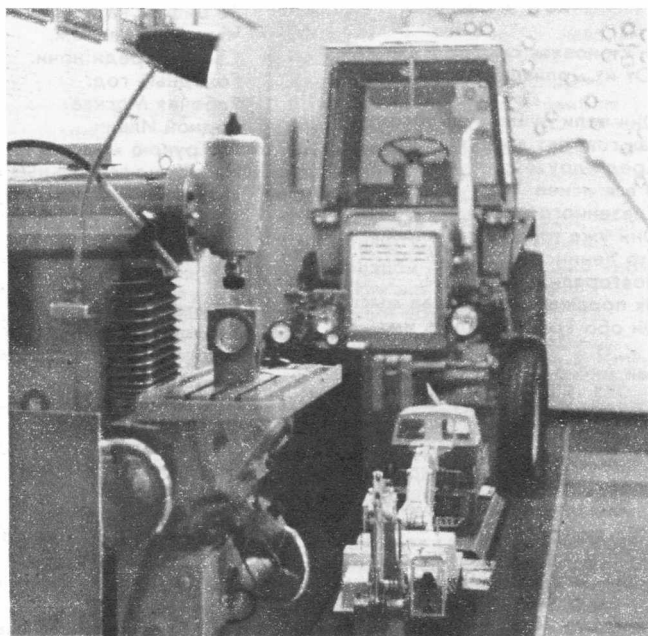
Все эти и другие многочисленные факты снова и снова подтверждают замечательные преимущества советской, самой передовой в мире системы охраны здоровья и восстановления трудоспособности. Советские профсоюзы, руководствуясь решениями Коммунистической партии, осуществляют крупные мероприятия по дальнейшему развитию курортного дела в нашей стране. На Центральный совет по управлению курортами профсоюзов возложены обязанности по координации деятельности санаторно-курортных и оздоровительных учреждений независимо от ведомственной принадлежности. Большое внимание, особенно в последнее время, уделяется совершенствованию семейного отдыха, становящегося все более популярным.

В деловой, насыщенной информацией книге И. И. Козлова можно найти рассказ и еще о многих сторонах курортного дела, в коротких очерках и на красочных фотографиях познакомиться с чудесными здравницами в самых различных уголках нашей Родины. Ее с интересом встретят и специалисты и широкий круг читателей.

Д. ИВАНОВ

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

160 «ВЛАДИМИРЦЕВ» В ДЕНЬ

Так выглядит «Владимирец».

Прошлой осенью я гостил два дня у родных в одном селе Кировской области. Большое впечатление произвел на меня красавец богатырь трактор К-700. Любовался его работой. Но вот беда: тяжело трактору на маленьких пространствах, а его основательный вес становится помехой в сильную распутицу. Выпускает ли наша промышленность маленькие, подвижные, но сильные тракторы?

Н. М. Зайнутдинов, Душанбе.

Для ответа на это письмо мы отправились в город Владимир, на областную промышленную выставку, где демонстрируется трактор, о котором спрашивает нас Николай Махмудович.

Рассказывает заведующий выставкой Юрий Иванович Белкин:

— Наш трактор охотно покупают за рубежом, особенно в капиталистические страны, где он незаменим при фермерском способе ведения сельского хозяйства. И у нас в стране его любят.

Этот универсально-пропашной колесный трактор выпускает Владимирский тракторный завод. Трактор предназначен для предпосевной и междурядной обработки почвы, посева, ухода за посевами, посадки овощей, сенокосения и уборки сена, транспортных работ. Он прекрасно работает даже в са-ду. В зависимости от заказа «Вла-

димирец» может быть оборудован кабиной, или тентом, или каркасом безопасности.

Работать в машине водителю легко и удобно. Большие панорамные стекла кабины, регулируемое подпрессорное сиденье, система вентиляции, обогрева и другое оборудование создают комфортабельные условия в любое время года. Специальные амортизаторы снижают шум и вибрацию.

На тракторе установлен двухцилиндровый дизель воздушного охлаждения мощностью 25 лошадиных сил. Весит «Владимирец» менее двух тонн, почти как легковая автомобиль. Машина очень маневренная.

— Юрий Иванович, а много ли производится таких тракторов?

— Ежедневно с конвейера завода сходит сто шестьдесят «Владимирцев».

О ПЛОСКОСТОПИИ

Много писем приходит с просьбой рассказать о профилактике плоскостопия. Мы показали письма доктору медицинских наук, профессору Галине Николаевне Крамаренко. Она заведует отделением стопы и рациональной обуви Центрального научно-исследовательского института травматологии и ортопедии.

— Во-первых, скажу о важнейшем средстве профилактики плоскостопия — о нашей обуви. Малышам, особенно до года, наиболее важно утеплять стопы, поэтому пинетки, гусарки изготавливаются из мягких теплых материалов. Детям постарше нужны ботиночки с более прочной подошвой, носком и с задником, не допускающим скольжения стопы.

— Родители часто сомневаются: нужен ли ребенку хотя бы небольшой каблук?

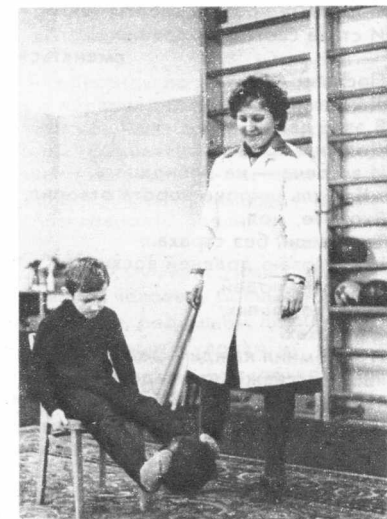
— Да, нужен, потому что, искусственно повышая свод, каблук предупреждает возникновение плоскостопия и защищает пятку от ушибов. Высота каблука для дошкольников должна быть от пяти до десяти миллиметров, для школьников — до двадцати миллиметров,

считая вместе с толщиной подошвы.

Женщинам на каждый день целесообразно выбирать обувь с широким устойчивым каблуком, высотой до четырех сантиметров. Трудно бывает доказать иным женщинам, девушкам, что чрезмерно высокий каблук не только менее устойчив. Передний отдел стопы в такой обуви перегружается. Модницы ходят, что называется, на согнутых коленях и, конечно, гораздо быстрее утомляются. Платформа тоже серьезно мешает нормальному переносу стопы и заметно нарушает походку. Для повседневной носки такая обувь не подходит. Даже домашние туфли должны иметь рациональный низкий каблук, а в обуви без задника и без каблука хорошо только отдыхать, да и то сидя. Нежелательна и другая крайность — слишком мягкая подошва. Особенно это относится к тем, кому по роду деятельности приходится долго стоять или ходить по твердому грунту. Стопа в мягкой обуви быстро расплывается. Так что правильно выбрать башмаки очень важно для здоровья.

Теперь о физических упражнениях. Нередко плоскостопие развивается от перегрузки ног при длительном стоянии и при недостаточной силе мышц. Поэтому для предупреждения его и у детей и у взрослых большое значение имеют правильный режим нагрузки на ноги и физические упражнения, укрепляющие мускулатуру ног. Необходимо ежедневно делать прохладную ножную ванну. Полезно ходить босиком по рыхлой почве, песку, по скошенной траве, по срубленному дереву или бревну. У детей следует выработать походку без излишнего разведения стоп.

Физические упражнения — самые простые, те, что укрепляют мышцы стопы и голени: сгибание пальцев, захватывание и поднимание стопами мячей волейбольного, теннисного, набивного, поднимание пальцами ног карандаша, подтягивание пальцами тонкого коврика... Очень эффективен самомассаж ног. Массируют преимущественно внутреннюю поверхность голени и подошвенную поверхность стопы. Массаж голени выполняется в направлении от голеностопного сустава к коленному, а стопы — от пальцев к пяточной области. На голени применяется прием поглаживания, растирания ладонями и разминания, на стопе — поглаживание и растирание основанием ладони или тыльной поверхностью полусогнутых пальцев.

В кабинете лечебной физкультуры детской поликлиники № 44 Кировского района Москвы.

Фото автора

Беседы вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.

НЕРЖАВЕЮЩЕЕ

ОРУЖИЕ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА БЕЛЯЕВА

Завидна и счастлива доля писателя, если созданная им книга не стареет с годами, а живет во всей своей свежести, захватывая не только близких ему современников, о которых была написана, но и вызывая горячий интерес читателей других, уже последующих поколений. К ряду таких нестареющих книг с полным основанием следует отнести трилогию Владимира Беляева «Старая крепость».

Главное достоинство «Старой крепости» заключается прежде всего в той суровой и честной правде, с которой писатель рассказывает о судьбе своих сверстников, комсомольцев начала двадцатых годов. Василий Манджура, Петр Маремуха, Юзик Стародомский — главные герои этого повествования. Детство и отрочество их проходят в старом приграничном городе на юго-западе Украины. По описанию самого города и примыкающей к нему старой крепости пытливые читатели узнают Каменец-Подольский, где родился и вырос сам Владимир Беляев. Вот почему такой живой правдой овеяны страницы особенно первой книги трилогии.

Тревожна молодость героев В. Беляева. Еще не укрепились в древнем городе Советская власть. Еще приходится отступить небольшому гарнизону Красной Армии под натиском петлюровцев и пилсудчиков. Ребята становятся невольными свидетелями того, как враги революции казнят в старой крепости коммуниста Сергушина. Многие проходят перед их юными взорами и болью отзывается в сердцах. И они дают пламенную клятву всегда и во всем быть верными делу революции.

В двух последующих книгах трилогии автор ее с той же художественной точностью живой правды показывает, как в труде и борьбе за правое дело выковываются характеры молодого поколения большевиков.

«Старую крепость» можно называть главной книгой всей жизни Владимира Беляева. Он начал работать над ней еще в конце тридцатых годов. Полностью трилогия вышла в свет в 1951 году и была отмечена Государственной

премией СССР. За три десятилетия, прошедших с тех пор, она выдержала несколько десятков изданий в Советском Союзе и за рубежом, переведенная на многие языки народов мира. По мотивам трилогии поставлены художественный фильм «Тревожная молодость», а также многосерийный телевизионный фильм «Старая крепость». Следовательно, количество читателей и зрителей этого произведения исчисляется сотнями миллионов.

Владимир Беляев широко известен и как писатель-публицист, хорошо владеющий острым оружием слова. Его перу принадлежат написанные в осажденном Ленинграде книги «Ленинградские ночи» и «Варвары с моноклями», а в послевоенные годы десятки книг очерков и памфлетов. Перечислить все их нет возможности, но нельзя не назвать хотя бы такие, как, например, «Граница в огне», «Эхо «Черного леса», «Формула яда», «Под чужими знаменами», «Львовские встречи», «Я обвиняю»...

Особо хочется отметить книги и журнальные публикации о жизни и творчестве украинского писателя Ярослава Галана, злодейски убитого украинскими националистами в 1949 году. В. Беляев близко знал Я. Галана и рассказ о последних годах его жизни посвятил сценарий фильма «До последней минуты», поставленного студией имени Довженко. За этот сценарий он удостоен Государственной премии УССР имени Тараса Шевченко. В соавторстве с А. Елкиным он также создал книгу «Ярослав Галан», выпущенную издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Но ни в книге, ни в кинофильме, ни в других публикациях о Галане Владимир Беляев не выступает просто биографом. Он со всей страстью продолжает дело Я. Галана, и перо его обретает силу нержавеющего оружия в борьбе за мир, дружбу между народами и за счастье добрых людей всей земли.

Виктор ПОЛТОРАКЦИИ

ОТВАГА И СКРЕННОСТИ

Избранное — предварительный, промежуточный итог, остановка в пути, раздумье над тем, что сделано и что предстоит. В одноименной «Избранное» Людмилы Щипахиной намеренно спутаны хронологические ориентиры, потому что у поэта, считает она, всегда все впереди. Важно лишь то, над чем он бьется, чему отдает восторг или боль души. Для Щипахиной поэзия, все ее полтора десятка книг — лишь вехи на пути постижения общественного предназначения человека на земле, признания в бесконечной любви к жизни, лишь еще одно, но от этого не менее важное и ценное доказательство вечного притяжения простых истин, какими в жизни каждого являются Вера, Надежда, Любовь.

Слово. Стихотворение. Поэзия... Для нее это не искусство вышивки гладью. Это сама совесть, это оружие, это кулаки, сжатые для драки с каждым отступником, с каждым лицемером и лжецом. Чего бы это ни стоило, ей всегда надо оставаться собой, не предавать своей отваги искренности и честности в диалоге с современником:

Пусть с плеч слетает голова
Иль возникает проседь —
Такие высказать слова,
Как будто бомбу бросить!

Ее стихи биографичны, но не настолько, чтобы с их помощью проследить ее собственную жизнь. Биографичность их в открытости души, в движении характера человека, который живет думами о своем месте в строительстве нового общества нового образа жизни, нового самосознания. Ей важно, чтобы в житейских заботах и передраках каждый человек сохранил себя, не растерял цельности натуры, а поэт не растерялся в мелкотемье, в частностях сиюминутных чувств. Хотя иной раз она и останавливает себя: кто может сказать наперед, где ждут нас обретения, а где потери?

Что ищет Щипахина в людях? Естественности. Человечности. Непокая. Но превыше всех других человеческих качеств и свойств для нее, пожалуй, готовность к добру, вера в творческие силы человека, в его добрую волю. Она убеждена, что для того, кто упорен и честен, непременно «загорится звезда в бездорожье, вспыхнут

Людмила Щипахина. Избранное. М., «Художественная литература», 1981. 339 с.

добрые блики зари». Ее привлекают те, кто не ждет благодарности за добро, кто творит его по естественному движению души, кто первый идет на помощь, на выручку. Об этом программные стихи ее «Мир мне справедлив», «Спешите трогать первые побеги», «Алый парус надежды», «Все зависит от тебя» и другие.

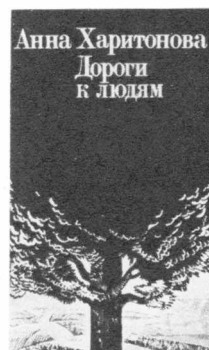
Людмила Щипахина полемична. Она не дает рецептов, но порой склонна порассуждать. Ее спасает от назидательности ирония — добрый дар судьбы. Камня на камне не оставит поэтесса от тяги лирической героини к уютному, тихому миру зеленой лагуны среди житейских бурь. И хороша-то и красива тихая лагуна, и вроде бы в пору отдышаться в ней от штормов открытого моря. Но уж очень склонна лагуна к тому, чтоб подернуться ряской, очень уж скользки в ней покрытые плесенью водорослей подводные камни. Как бы не отступиться в болото эгоцентризма, благодушия. Почти полностью склоняясь перед блистательной силой ума и перед ученой сосредоточенностью, собранностью и деловитостью энергичных людей, она всегда замечает, что никакой ученый муж и никакая жрица НТР не смогут объяснить, «какое магнитное поле влияет на стрелку души». Это доступно лишь художнику. Для нее всегда святая чистота слова сильнее и мудрее всех законов науки.

И еще. В стихах Щипахиной живет такое глубокое, такое постоянное возвышение бытия, наполненность, пусть и трудной жизни и такое остроумное, ироничное, злое, наконец, развенчание сонливости, времяпрепровождения в быте, что бой с мешанинами задатками в душе современницы становится флагом ее творчества. Жизнь «среди шестеста знамен и листьев» не лозунг, а сама суть ее лирической героини. Ее исповедальность ничего общего не имеет с самолюбованием.

Итак, избранное. Остановка в пути, привал, раздумье. Вместе с поэтессой оглянутся на созданное его верные почитатели. Да, они не ошиблись, когда четверть века тому назад безоговорочно поверили в талант маленькой, боевой белокурой студентки. С тех пор в многоголосом хоре советской поэзии то звонче, то тише, однако не теряя своей чистой, горячей и взволнованной ноты, звучит голос Людмилы Щипахиной.

Леонид ХАНБЕКОВ

О ЧЕЛОВЕКЕ С ЛЮБОВЬЮ

Сведет иной раз дорога с незнакомым человеком, и будто всю жизнь его знал. Или всю жизнь искал его. Не бог весть как знаменит, а то и вовсе не приметен — чем, казалось бы, остановит он тебя, и остановит ли? А ушел, и ты еще долго вспоминаешь его...

Именно с таким чувством неожиданного открытия, встречи со светлой одаренностью читала я книгу очерков Анны Харитоновой, книгу, населенную умными и добрыми людьми.

Герои ее книг пришли из жизни в самом прямом, изначальном смысле этих слов. У них конкретные имена, адреса, профессии. И свои — непримудимые — судьбы. Агроном из Белоруссии Анна Максимовна Шевчурко и тракторист из Татарии Шарифулл Саддуллин, доярка из Карачаево-Черкессии, Герой Социалистического Труда Зухра Байрамкулова и дагестанский чабан, тоже отмеченный Золотой Звездой Героя, Кадыр Сабут, хранитель заповедной чащи, лесовод Иван Андреевич Смирнов и волшебник из Чумая, винодел Феодосий Трофимович Кучеренко, сельская учительница Эльвира Николаевна Серебрякова и хирург районной больницы, фронтовичка, награжденная орденом

Анна Харитоновна. Дороги к людям. М., «Молодая гвардия», 1981.

Красной Звезды, Зоя Александровна Бронзова...

Веет от этих людей надежностью, неспешной основательностью. Не суетно, прямо и открыто идут они по жизни, как бы говоря и нам: «Вот как надо жить — по совести, по чести, не отступая перед трудным, держась за отцовское-материнское дело».

С особой зоркостью Харитоновна пишет о крестьянских семьях, до тошноты докапываясь до истоков их светлой доброты, отзывчивости к беде и радости. Дом крепко детьми, семейным ладом, умением уступить друг другу, заботой и вниманием, утверждает автор вслед за своими героями, делясь тонкими наблюдениями о роли отца и матери в таких семьях.

— Хорошо, когда детей много. За стол усадутся — любовь поглядеть на них!.. — говорит героиня очерка «Когда мама дома...» Домна Павловна Левкина. — Иногда вот говорят, что только в молодости любовь. А вот я с мужем прожила всю жизнь, пятнадцать детей родила. А все равно, как в молодости, жду его! Я так скажу: любовь детьми укрепляется. Жили мы дружно. Детей мы никогда не обижали, но и не баловали лишку. Андрей-то мой Петрович любит детей...

Восьмь сыновей и дочерей вырастили Серафима Григорьевна и Андрей Яковлевич Барсуковы («Отец»). И все остались у земли, рядом с отцом и матерью. И можно понять счастье родителей, когда слышали они благодарное слово. Но вот уж что особо дорого отцу, что не продается, не покупается, чему цены нет, так это унаследованная его детьми любовь к родной земле, к крестьянскому труду.

Да, прежде всего традиции семьи, гражданскую активность, высокие духовные ценности, общечеловеческие понятия о добре и красоте душевной должны наследовать наши дети. Как это делать и что это за ценности, ненавязчиво, деликатно, но очень убедительно на многих живых примерах из жизни своих героев учит книга «Дороги к людям». И эти дороги — не столько к героям, сколько от них — к нам, к нашим сердцам.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

КТО ПОСЛАЛ ТЕЛЕГРАММУ!

— Конечно, всякое бывает, но паспорт Балакина в кармане у Шальнева — по-моему, лучшее доказательство, что не Балакин покушался на убийство, это я еще в первый день понял, — сказал Басков.

Сергей приподнял опущенное до упора стекло. Машина сделала поворот, и в окно была такая плотная ревущая струя ветра, что трудно было говорить и слушать.

— В первый день и окончательно?

— Нет, правда, Анатолий Иванович, это же элементарно. Не мог такой матерый на такую липовую комбинацию рассчитывать. Он же возможности дактилоскопии знает... А теперь, после всего, что вы о Эсбэ и Брысе рассказали, я и подавно не верю...

— Ну, Алеша, время даже русла рек меняет.

— Не мне вас учить. Характер, думаю, изменить труднее.

— Готов согласиться, но Балакин так или иначе в этом замешан, паспорт-то его. Не он бил — ладно. Идея не от него — справедливо. Но каким образом и зачем паспорт Балакина попал в карман к Шальневу? Какая связь между Балакиным, ограбившим, предположим, совхозную кассу, и Шальневым? Кому и зачем понадобилось убивать Шальнева? Где мотивы?

— Трудно сказать... И подозрителен, конечно, этот дружок Балакина — Чистый.

— А он кто?

— Тоже не из детского сада. Руководил бандой. Грабил квартиры. Он шофером такси в

открытого окна гремела музыка — что-то рок-н-роллистое. Время близилось к полудню. Жаркое марево висело в воздухе.

Сергей и Басков вошли во второй подъезд, поднялись на третий этаж и увидели на обитой черным дерматином двери квартиры № 32 приколотую кнопкой к косяку квадратную бумажку. На ней каллиграфически было выведено шариковой ручкой, синим: «Игорь! Буду в 2 часа. Ключи в квартире напротив. О.»

— Шальнева Игорь зовут? — словно не веря себе, спросил Басков.

— Андреевич.

— Значит, ждут его здесь?

— Нам-то ждать недолго. — Сергей посмотрел на часы. — Сто двадцать минут.

Они спустились, пошли к машине.

— Заедем в горотдел? — спросил Басков.

— Засвидетельствовать почтение не мешает.

— Не знаю, как у вас, а у меня всю дрему как рукой сняло, — сказал Басков в машине.

— Мы с вами спали за ночь три часа. Но тут взбодриться, это верно.

В горотделе милиции они пробыли полчаса. Поговорили с начальником, Басков поблагодарил инспектора, который прислал сведения о Шальневе и его сестре, и откланялись. Заехали в кафе, хотели выпить кофе, но он оказался такой бурдой, что пришлось заказать чай, а чая не имелось, и они вдвоем выпили две бутылки теплой воды «Саяны», после чего захотелось прополоскать горло водою из-под крана.

Официантка научила, как проехать на улицу Красную. Но ничего из этой экскурсии в детство у Сергея не получилось. По той

— Добрый день, Ольга Андреевна, — вслед за ним сказал Сергей.

Таких гостей она явно не ожидала и была удивлена.

— Здравствуйте, — грудным контральтовым голосом ответила Ольга Андреевна. — Вы ко мне? — Она немного растерялась, настороженность мелькнула в глазах, но тут же на лице появилась робкая улыбка. Отступив и давая им дорогу, она пригласила: — Прошу, входите... Извините, встречаю в таком виде... Я только-только из сада, с садового участка.

В квартире пахло земляникой и укропом.

Прошли в комнату.

— Надо бы спросить, кто такие, — сказал Басков как можно более мягко и протянул Ольге Андреевне раскрытое удостоверение. — Мы из Москвы, из МУРа. Надо поговорить немножко.

Она не стала смотреть удостоверение, она была испугана.

— Что случилось? С Игорем что-нибудь?

— Почему вы думаете, что с Игорем? — спросил Басков. — Вы имеете в виду брата?

Она в растерянности переводила взгляд то на одного, то на другого.

— Он должен был приехать еще в субботу, а сегодня среда...

— Случилось несчастье. Но он жив и будет жить... Сейчас в Москве, в больнице... Вы не беспокойтесь.

Ольга Андреевна предложила им стулья, стоявшие у круглого обеденного стола, сама опустилась на тахту.

— Но это что-то серьезное?

— Достаточно серьезно.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три Череп

Москве работал, сколотил группу, сам наводил и сбывал краденое...

— Вот видите, он тоже с возможностями дактилоскопии знаком, комбинацию с паспортом ему приписывать не более уместно, чем Балакину.

— И так правильно.

— Не думаете, что это случайность?

— Какой-нибудь местный импровизатор сработал? — переспросил Басков. — Нет, Анатолий Иванович, это было бы слишком жирно для того, кто подбросил Шальневу паспорт. Да и зачем лицо уродовать? Одного затылка хватало.

Машина плавно повернула, ветер перестал гудеть, и Сергей приспустил стекло.

— Желаю вам, Алеша, поскорее найти того, кто послал телеграмму.

— Юру? Если бы его найти, — с усмешкой сказал Басков и, достав сигарету и спички, закурил.

— Скоро ли прибудем? — спросил Басков шофера.

— Вот сейчас правый поворот, и на месте.

— Хорошо бы застать, — сказал Сергей. — Учителя все в отпуске.

— У вас рука легкая, Анатолий Иванович, — улыбнулся Басков.

— Дай бог, если так.

Въехали на улицу Электрограда, и шофер Юра спросил у прохожего, как попасть на проспект Радио.

Дом № 11 оказался новеньким.

Сергей и Басков пошли во двор, куда выходили подъезды. На скамье под молодой липой, дававшей очень прозрачную тень, сидели три старушки в цветастых платках. Сверху из

причине, что он улицу просто не узнал. Никаких деревянных, рубленых из бревен домов давно не было, сараев тоже. Стояли в ряд одинаковые девятиэтажные панельные здания. Пылжил под автомобилями выщербленный асфальт. Рядом пыхтел завод. Временами что-то ухало, и земля вздрагивала. Наверное, работал главный молот.

Сергей попытался отыскать конный двор горкомхоза, где когда-то они с Игорем Шальневым добывали дуги для производства ключей. Шофер Юра, следуя указаниям, провел машину в конец улицы, свернул вправо, но и конного двора тоже не обнаружили.

— Пустое дело, — со вздохом сказал Сергей. — Позарастали стежки-дорожки...

Часы показывали половину второго.

— Давай потихонечку на улицу Радио, — сказал Басков шоферу Юре.

Остановившись напротив дома № 11, они подождали до двух, и никто за это время к дому со стороны улицы не подошел.

Ровно в два Басков и Сергей поднялись на третий этаж. Бумажки на двери квартиры № 32 не было.

Басков позвонил.

Дверь открыла высокая полная женщина лет сорока, с очень свежим цветом лица, тронутого загаром. Пепельные волосы острижены коротко. Чуть вздернутый нос, серые с голубым проблемным глаза. Старенькое, в мелкий красный горошек ситцевое платье с коротким рукавом сидело в обтяжку и едва не лопалось на груди. Она поправила упавшую на лоб прядь, и Басков обратил внимание, что пальцы у нее в ссадинах, а под ногтями как будто земля. Маникюра и следов нет.

— Здравствуйте, — сказал Басков.

Чтобы снять напряжение, в разговор вступил Сергей.

— А я ведь вас еще вот какой знал. — Сергей показал рукой на метр от пола, и голос его звучал при этом так, словно он говорил с ребенком. — Не помните Серьгу, Игореву дружку?

Она как-то беспомощно пожала плечами: переход был для нее слишком резок и неожиданный.

— Я в сорок первом в октябре отсюда уехал, вы тогда в первый класс пошли, — продолжал Сергей.

Ольга Андреевна нахмурила лоб, а потом ласково взглянула на него.

— Это ваша мама мне свою шубку передела, кротовую? Вы в шестой квартире жили? На втором этаже?

— Точно.

— Ну как же, вспомнила... Только вот лицо ваше...

— Мудрено. Без малого сорок лет прошло.

— Мне Игорь про вас много рассказывал... Уже после войны...

— Я его тоже не забывал. — Сергей словно оправдывался.

Но это лирическое отступление не отвлекло Ольгу Андреевну от грозного смысла слов, произнесенных Басковым. Она обратилась к нему с молящими нотками в голосе:

— Вы расскажете об Игоре?

— Что можно. Но, кажется, мы больше услышим от вас. Нельзя ли водички?

— Есть клюквенный морс, сама варила, — сказала Ольга Андреевна.

— По рецепту Матрены? — спросил Сергей.

— Вы ее помните? — удивилась она.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—15.

— Да, конечно... Но вы принесите нам водички.

Она ушла на кухню.

— Такая пигалица была,— тихо сказал Серегин.— Славная женщина...

Ольга Андреевна вернулась с графином воды и стаканами, налила.

Серегин и Басков не спеша пили, а Ольга Андреевна смотрела на них в нетерпении. Наконец они поставили стаканы на стол, и она сказала Баскову:

— Если можно, ради бога, что с Игорем?

Он рассказал ей о происшествии на бульваре имени генерала Карбышева, не утаив ничего, кроме истории с паспортом. И про телеграмму умолчал.

Ольга Андреевна встала, взяла из шифоньера носовой платок и отошла к окну, задернувшему белым тюлем.

— За что? — тихо сказала она, стараясь побороть слезы.— Мало он в жизни натерпелся?

Басков и Серегин молчали. Чем они могли ей помочь?

Эта была та минута, из-за которых оба они порою ругали и кляли свою должность и профессию. Чего хуже — приносить в дом к хорошим людям страшные вести. Никто, конечно, во время войны не считал почтальонов, приносивших похоронки, виновниками смерти обозначенных в похоронках людей, но почтальоны словно носили у себя в сумках все горе и все проклятия сирот, вдов, матерей и отцов, не дождавшихся с фронта своих родных солдат.

— Ольга Андреевна, прежде всего нам нужен адрес вашего брата.

ОЖИ

Она опять пожала плечами.

— Он живет в Ленинграде, на Суворовском проспекте.

— Давно?

— Ну, если точно, с пятьдесят седьмого.

— А почему именно там?

Она немножко не понимала, отчего нужно знать такие давние подробности. При чем здесь это, если с Игорем случилось что-то серьезное? Она ответила скучным голосом:

— Понимаете, он в сорок втором призвался на флот, на Балтийский: всю войну прослужил в Ленинграде, там у него было много друзей... Туда и поехал...

— А почему? Здесь было плохо?

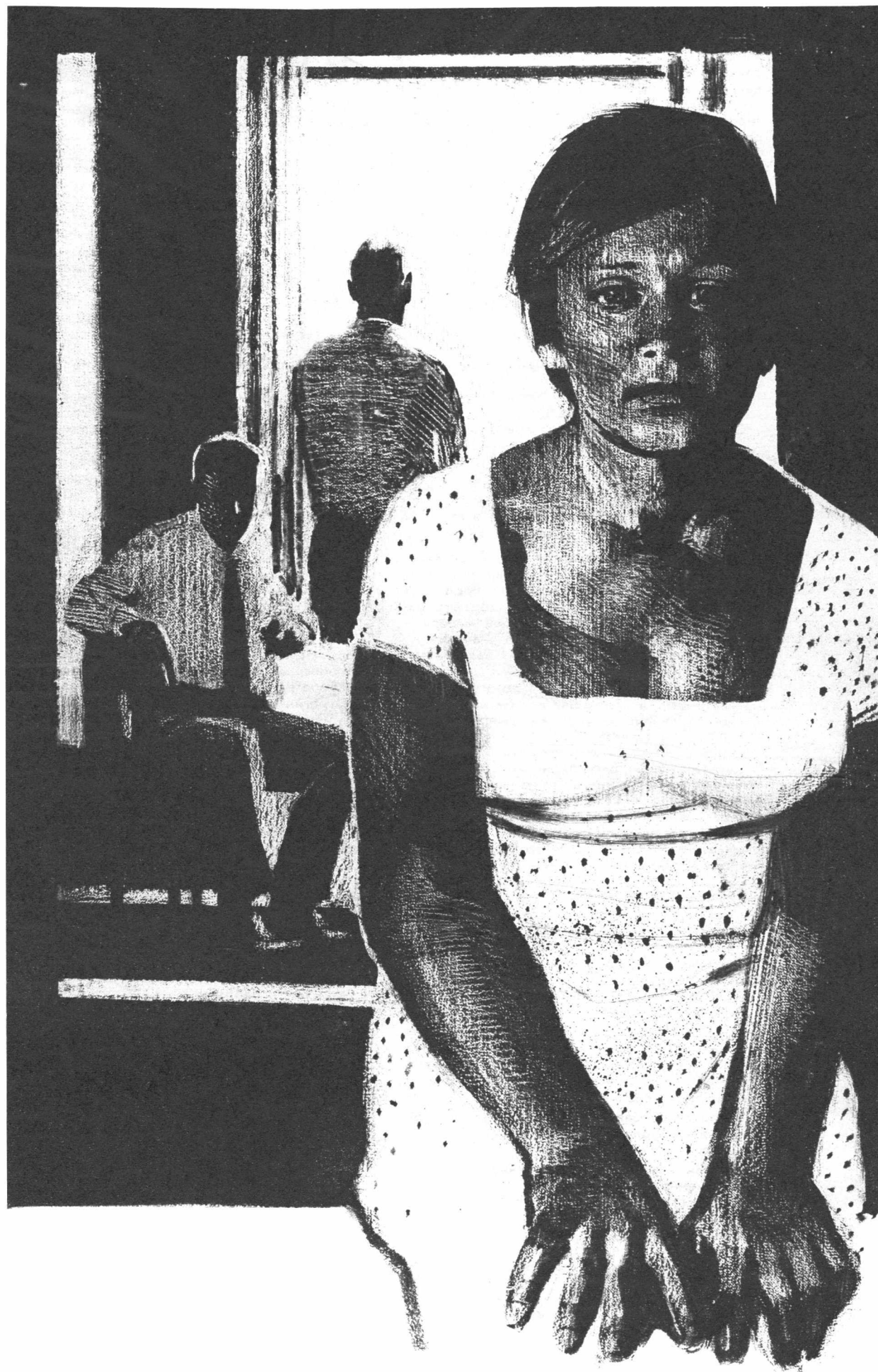
Ольге Андреевне этот вопрос не понравился. Верно, ей было неприятно отвечать на него.

— Если хотите — да. Ему здесь было плохо.

Серегин, пока Басков задавал вопросы, смотрел на него с еле уловимым сожалением, и Басков наконец заметил это сожаление — соединил его с отчужденным тоном Ольги Андреевны и подавил в себе несколько эгоистический подъем, который испытывает сыщик, поймавший на верную дорогу. Он понял, что сейчас не время вдаваться в психологические тонкости еще не ясных ему взаимоотношений действующих лиц — прежде надо определить, если допустима такая терминология, точное их взаиморасположение в пространстве и во времени.

— Вы меня извините, Ольга Андреевна,— сказал Басков,— наверно, мои вопросы кажутся вам бестактными... бесчеловечными, что ли... Но если каждый раз я буду делать реверансы, мы далеко не продвинемся.

Она, кажется, поняла наконец, что это не

расспросы досужих любопытствующих, а рабочий разговор, почти допрос, и ей стало легче отвечать.

— И вы меня извините... Неожиданно очень... Вы хотите знать, почему Игорь отсюда уехал?

— Вкратце.

— Вкратце не расскажешь. В общем, у него тут была семья... Развелся... А встречать каждый день на улице любимого человека тяжело, правда? То есть с которым развелся...

— Скажите, Ольга Андреевна, не было ли у Игоря Андреевича друга по имени Юра?

Она как-то сочувственно посмотрела на него, впервые за последние пять минут подняв низко склоненную голову, и перевела взгляд на Серегина:

— Ленинградских его знакомых я по именам не помню... Игорь, правда, всегда много о них рассказывал... Но у него есть сын Юра.

Басков, как он сам выражался в подобных

случаях, нажал на тормоз: еще один неожиданный поворот.

— Юра в пятьдесят седьмом родился? — спросил он, стараясь не выдавать истинных размеров своего интереса.

— В пятьдесят шестом.

— И где же он теперь?

— В Москве, с бабушкой, где ж ему еще быть.

Это «с бабушкой» было произнесено так, что даже человек, самый глухой по части людской психологии, услышал бы отзвук каких-то больных столкновений. Но Басков уже решил, что не будет пока вникать в оттенки сложных душевных узоров, а пойдет по грубой канве фактов и событий. Поэтому он спросил:

— Адрес Юры вам известен?

— Нет, я с ними не общаюсь. Игорь, конечно, знает.

Вставил слово Серегин:

— Фамилия у него отца?

Ольга Андреевна печально улыбнулась.

— Что вы! Они фамилию Шальневых слышать не могут.

— Это кто они? — спросил Басков.

— Бабушка, его тетя.

— А их как фамилия?

— Мучниковы.

— Разрешите, я запишу.

Басков записал в блокнот рядом с ленинградским адресом Шальнева: Мучников Юрий Игоревич, 1956 года рождения. И, посмотрев на Серегина, как бы ища его одобрения, задал новый вопрос, в той же своей манере — как бы не придавая ему особого значения:

— Ольга Андреевна, а фамилия Балакин вам ничего не говорит?

Ольга Андреевна, сидевшая до этого, облокотясь о стол, и чертившая ногтем на скатерти какие-то невидимые чертежи, выпрямилась и застыла. Она смотрела поверх плеча Баскова в задернутое тюлем окно и молчала.

Серегин, как и Басков, не мог угадать, что означает это молчание и что за ним последует, поэтому счел необходимым помочь Ольге Андреевне наводящим вопросом.

— Может, помните — был такой парень, постарше нас с Игорем, звали его Брысь? — И тут же сам высказал сомнение: — Да нет, вряд ли, он в сороковом году отсюда уехал, вам всего пять лет было.

Сидевшая напряженно, словно в ожидании удара, Ольга Андреевна вдруг закрыла лицо руками и, кажется, готова была разрыдаться.

Серегин подошел к ней, положил руку на судорожно вздрагивающее круглое плечо.

— Что вы, голубушка? Успокойтесь.

— Простите. — Она встала, ушла в другую комнату.

Серегин и Басков глядели друг на друга, слушали, как в соседней комнате хозяйка открывает и закрывает ящики то ли стола, то ли шкафа, и ничего не понимали.

Ольга Андреевна вернулась с фотокарточкой в руке. Положив ее на стол, сказала еле слышно:

— Если вас интересует именно этот Балакин... именно он...

Серегин взял карточку. Это был профессионально выполненный групповой портрет размером 13×18, на плотной сатинированной бумаге, отлично напечатанный, так что изображение несколько не выцвело. Красивая девушка, то, что называется в полном цвету, держала под руки двух молодых мужчин, один из которых, по ее правой руку, зажал в углу рта дымящуюся папиросу. Он смотрел несколько исподлобья, из-под густых бровей, пристально и спокойно. А второй мужчина, очень похожий лицом на девушку, улыбался, как и она. Девушка была в легком платье, мужчины — в рубашках с коротким рукавом. Они стояли среди берез. Пятна света и теней играли на заднем размытом плане.

— Это вы с Игорем и Александром Балакиным, — узнал Серегин, и в голосе его звучало неподдельное волнение. — Когда сделано?

— Летом пятьдесят седьмого, — вяло, безразлично ответила Ольга Андреевна.

— Кто так хорошо снял?

— Щелкала Тоня, Игоря жена... Игорь навел, аппарат ей дал, а сам встал с нами...

Серегин передал карточку Баскову, Ольга Андреевна продолжала стоять, и Серегин сказал:

— Да вы садитесь, а то как-то неудобно.

Она села. Басков бережно подвинул к ней карточку, спросил:

— Ольга Андреевна, а вы знаете, чем занимается Балакин?

Опять его вопрос явно пришелся ей не по душе, но, как ни странно, на сей раз это помогло Ольге Андреевне, она сделала спокойной. Погладив карточку пальцами, сказала бесечно:

— Вот в этот момент ничего я не знала, и было замечательно. А потом меня просветили...

— И давно вы в последний раз видели Балакина?

И опять она взглянула на Баскова с сочувствием.

— Все тогда же, в пятьдесят седьмом. — И добавила, словно поддразнивая этих людей, неожиданно явившихся со своими бесчисленными вопросами и ворошащих далекое прошлое: — А у меня от него дочь. Институт кончает.

— Вы с ним не расписаны?

— Не успели.

— Почему?

— Помешали. Пришлось ему уехать.

— Кто помешал?

Она уже готова была вновь поддаться раздражению, но сдержалась — все это читалось на ее лице, как по книге.

— Господи, я ведь говорила: коротко не расскажешь, а расскажешь — вы ничего не разберете.

Серегин и Басков понимали, что она, конечно, перенервничала, и хотя Ольга Андреевна совсем не была похожа на малокровную особу, вздрагивающую от здорового чихания в соседней квартире, эти ее внезапные переходы от одного настроения к противоположному были вполне объяснимы.

И снова Басков не соблазнился возможностью пойти по этой безуловно существенной для дела нитке — связи Ольги Шальневой с Балакиным. Если даже предположить, что она говорит неправду насчет того, когда видела его в последний раз, — в данный момент ему важен сам факт связи, остальное можно оставить на потом.

— Брат часто у вас бывал? — спросил Басков.

— Раз в год — обязательно.

— Он кем работает?

— Вообще-то у него инвалидность. Инвалид войны второй группы. В шестидесятом году оформил. Ну, сами понимаете, на такую пенсию не очень-то... Он корректором работал, нештатно, на дом брал.

— Не женился больше?

— Ну что вы! До сих пор Тоню любит.

— Но в остальном жизнь у него в порядке?

Ольга Андреевна замялась: еще один нелепый вопрос. Но, помолчав, ответила:

— Пить стал нехорошо.

— Что значит нехорошо?

— Ну, понимаете, он всегда был не против, но последние годы, даже когда у нас гости, каждый день допьяна.

— Не скандалист?

— Ну что вы! Наоборот — все ему друзья, все прекрасные люди.

Видно, присловье «ну что вы» было фирменным у Ольги Андреевны, но, произносимое ее грудным контральто, звучало симпатично.

— Последний вопрос, Ольга Андреевна, — сказал Басков. — Брат ваш никогда о Балакине не поминал?

— Ну, конечно, говорили, он же все-таки отец моему ребенку. Вы имеете в виду — не встречался ли Игорь с Сашей?

— Пожалуй, так будет точнее.

— Нет, это исключено. Игорь бы не утаил. — Она задумалась на секунду. — Но, знаете, был непонятный случай с письмом, у меня такое ощущение возникло — не без Саши тут... Мы тогда еще на Красной жили, он адрес-то знал.

— А что за письмо?

— По-моему, оно должно было сохраниться. Попробую поискать.

Она снова покинула их.

— Вот оно как бывает: он для нее по-прежнему Саша, — задумчиво сказал Серегин. — Повезло Брысь.

— Интересно, знает он, что у него дочь есть?

— А вы, Алеша, спросите, не стесняйтесь. Она уж успокоилась.

Баскову показалось, что это было сказано не без подначки, и он перевел разговор на дело.

— Анатолий Иванович, она столько ниток дала, надо все это быстро раскрутить.

— Целый клубок, — согласился Серегин. — Какие же мысли? Что намерен предпринять?

Полковник впервые употребил обращение на «ты», и Басков понял, что подозрения его относительно подначки несправедливы.

— Надо разыскать Юру, а потом срочно в Ленинград.

— А мне хочется с ней поговорить. Просто так, поболтать о прошлом. Я, пожалуй, останусь до вечера.

— Это и на пользу будет. Она о Балакине, наверно, много может рассказать.

— Насчет пользы посмотрим. Но как нам дальше координироваться?

— Нет проблемы, Анатолий Иванович. Мы, знаете, как сделаем? Я машину вам оставлю, Юра меня только до вокзала довезет, а там на электричке час с небольшим. А в Москву приедете — решим.

— Ну что ж, годится.

Ольга Андреевна вернулась.

— Вот нашла. — Она держала в руке конверт и словно колебалась, кому первому его протянуть. И, как и фотографию, отдала письмо Серегину. Баскова это несколько не обидело: как-никак у этих двух людей было гораздо больше общего, чем у него с Ольгой Андреевной, да и не попал он с первых минут в нужный тон.

Прочитав письмо, Серегин передал его Баскову. Оно было коротким.

«Здравствуйте, уважаемый Игорь Андреевич! Пишет Вам неизвестный Вам человек. Адрес мне дал один человек, который Вас хорошо знал, а сейчас неизвестно где, и посоветовал обратиться к Вам. А просьба очень большая, если не трудно. Я очень люблю журнал «Вокруг света», но здесь у нас его достать невозможно, не говоря о подписке. Большая просьба: если можете, подпишите меня на этот журнал на 1971 год. Деньги я вышлю. Буду очень благодарен. Мой адрес... Корольков Владимир Николаевич».

Судя по адресу, письмо писано в колонии. — И что же вы ответили? — спросил Басков.

— Видите, какое дело... Игорь тогда уже в Ленинграде жил. Я написала этому Королькову, дала адрес Игоря.

— А к нему Корольков обращался?

— Нет. Но подписку Игорь устроил.

— Можно, я возьму это письмо?

— Пожалуйста.

Басков не знал, пригодится оно для следствия или нет, но всякое бывает. Он взял висевший на спинке стула пиджак, положил письмо в блокнот, а блокнот в карман пиджака и встал.

— Ну, извините, Ольга Андреевна, за беспокойство, мне пора.

— Ничего, ничего, вы же по делу. Но об Игоре так ничего и не рассказали. Или нельзя?

Серегин кашлянул в кулак и сказал:

— Ольга Андреевна, я с вашего разрешения еще посижу. И об Игоре поговорим.

Она обрадовалась.

— Очень вам буду благодарна.

Серегин едва заметно улыбнулся: это были слова из письма неведомого почитателя журнала «Вокруг света» по фамилии Корольков.

Продолжение следует.

ГОЛУБАЯ ПЕСЕНЬ ГЖЕЛИ

Поразительно неживописна эта местность. Равнина, поросшая низкорослым кустарником и чахлыми деревцами, и лишь вдали, почти на горизонте, виднеется темнеющая линия леса. А когда-то шумели вдоль Большого Касимовского тракта хвойные боры, в тех лесах дремучих не только зверь и птица обитали, но и разбойники скрывались, шалившие окрест. Но еще в XVII веке обнаружили здесь глины удивительные. И царь Алексей Михайлович повелел: «Во гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов приискать глины, которая глина годится к аптекарским судам»¹. И почти два с половиной века брали и брали местные крестьяне глины — сначала для нужд аптекарских и алхимических, затем — при Петре I — для изготовления кирпича и керамических плиток, а в середине XVIII века были гжельские глины признаны пригодными для изготовления фарфора (порцелина). Сам отец русского фарфора, сподвижник Ломоносова Д. И. Виноградов дважды приезжал в подмосковную глухомань и там искал, пробовал, исследовал знаменитые гжельские земли, а затем в 1750 году направил в столицу «Покорнейшее доношение»: «По указу ее И. В. из Кабинета прошлого 1749 году мая 13 дня отпущен я был в Гжельскую волость для приготовления тамо и взятия глины к порцелинному делу, также осмотру всех тех мест с глиною, и где лучшая найдется и брать... и все-му тому месту с глиною сделать чертеж, измерять оное хотя, например, шагами...

Из означенных глин усмотрены мною две лучше других, которые годны быть к порцелинному делу, а именно глина пещанка-черноземка, глина мыловка-жировка белая». И далее бергмейстер Виноградов рекомендует «тамошним обывателям на тех местах глины копать запретить, дабы от того со временем при порцелинном деле не учинилось какой остановки, а особенно, что Гжельской волости обыватели как для своего употребления, так и на продажу кроме помянутых двух сортов еще много и разные глины имеют, которыми они довольствоваться могут». Так вот почему не шумят теперь боры на изрытой многими поколениями окрестных крестьян гжельской земле. Тогда же в XVIII веке стал развиваться здесь гончарный промысел. Великолепные глины, пригодные даже для знаменитого виноградовского фарфора, лежали попросту под ногами, и надо было лишь зимы дожидаться, когда глина загустеет, чтобы добыть ее, а топлива, необходимого для производства, казалось, нескончаемо было в тех исчезнувших теперь в недрах печей для гончарного обжига лесах. У многих крестьянских изб задымили такие печи.

Не сразу наладилось в Гжели фарфоровое дело. Поначалу славилась гжельская майолика — и до нашего времени дошли великолепные изделия местных гончаров XVIII — начала XIX веков, расписанные многоцветием красок (желтой, зеленой, фиолетовой, синей) по белой эмали молочники, братины, кувшины, квасники. Безупречный вкус, тонкое мастерство отличали произведения народных мастеров. Сейчас в небольшом музее производственного объединения «Гжель» бережно хранят найденные в окрестных деревнях изделия прародителей современного гжельского промысла. Конечно, осталось их немного — в Гжели всегда выпускали в основном бытовую посуду, но сохранившиеся здесь и в центральных музеях экземпляры замечательны и лаконичностью форм и характерной росписью, где живут волшебные птицы, расцветают сказочные орнаменты, появляются жанровые сценки и даже архитектурный пейзаж.

В начале XIX века стала выпускаться в Гжели посуда из фарфора, фаянса и полужанса. Знаток ценя и отличают так называемый кузнецовский фарфор — изделия, выполненные на русских заводах фарфоровых королей Кузнецовых. Исток их в Гжели. Еще в 1810 году

предприимчивый крестьянин Яков Васильевич Кузнецов основал в деревне Ново-Харитонове, входящей в промышленно-керамический район, называемый Гжель, первое кустарное фарфоровое заведение, а вскоре на сравнительно малой территории возникло уже 29 фарфоровых заводов разных хозяев. Конечно, это было мелокустарное производство. Часто на заводе работала одна семья, тайны мастерства передавались из поколения в поколение, но постепенно на гжельские заводы стягивались крестьяне из соседних уездов и губерний. Гжельский фарфор стал расходиться по России. А. Т. Болотов в середине прошлого века писал: «Как в самое сие время, так уже за несколько десятков лет, однако не более как лет за 25, вошло и было у нас в употребление вместо прежней оловянной посуды на столах в дворянских домах употреблять глиняную, деланную у нас на акжельских заводах, по форме и под вид фаянсовой английской и голландской. В немногие годы была посуда сия везде и везде, где белая, где палевая, где гладкая, где с наемкой, и довольно дешево... Ее не столько продавали по городам, сколько развозили всюду и всюду по деревням крестьяне, торгующие ею из барышей и продававшие целыми сервизами». Первая половина XIX века — время наивысшего расцвета фарфорового промысла Гжели. Тогда выпускались на крохотных фарфоровых фабричках и заводиках чудесные изделия самых различных форм, выполненные в духе русских народных мотивов, замечательные своей выразительной простотой, расписанные в основном синей краской, отмеченные юмором, фантазией, жизнерадостием. Так возникла традиция гжельского фарфора, который мы можем увидеть все в том же крохотном и уютном музее в современной Гжели. Я не скажу, что там собрано много экспонатов, что коллекция старых изделий поражает полнотой и разнообразием, но и то немногое, что бережно хранят гжельцы, говорит о самобытности искусства русского народного фарфора.

Но судьба народного промысла была непроста. Уже в начале XX века кризис поразил фарфоровую промышленность в Гжели. Разорялись мелкие заводы, закрывалось производство, уходили мастера. Тот интерес, который проявлялся определенными кругами русской художественной интеллигенции к народному искусству в начале XX века, как-то миновал Гжель. А мы знаем, что именно популяризация и поддержка народных промыслов, например, многими художниками группы «Мир искусства», использование народных мотивов в их творчестве, интерес меценатов к древнерусскому искусству, архитектуре, живописи помогли не только сохраниться, но и развиться многим очагам национального искусства. Не так было с Гжелью. Традиции искусства народного фарфора здесь постепенно забывались, тяжелый труд на фарфоровых предприятиях, мало приспособленных для нормальной человеческой работы, косил людей. «Из особенностей, характеризующих Речицкий участок», говорилось в докладе комиссии уездной земской управы, — следует отметить чрезвычайное распространение легочной чахотки среди крестьян Гжельского района, занятых чуть не поголовно глиняно-фарфоровым производством; уже теперь туберкулез угрожает населению постепенным вымиранием... Теперь уже необходимо обратить особое внимание на санитарное неблагоустройство фарфоровых заведений, работающих до сих пор первобытными способами...

Постепенно Гжель перестала быть очагом своеобразного искусства русского фарфора, а поделки, которые пытались здесь выпускать, были несказанно далеки от той голубой песни гжельских мастеров, которая прославляла их искусство по всей России. Но не погибли окончательно традиции Гжели. И когда в середине 40-х годов нашего века два влюбленных в народное искусство человека — искусствовед А. Б. Салтыков и художница Н. И. Бессарабова — прикоснулись к прошлому Гжели, оно начало открывать перед ними свои тайны. Наступил настоящий Ренессанс — возрождение чудо-Гжели.

С главным художником производственного объединения «Гжель» Александром Николае-

вичем Федотовым идем мы по сегодняшней Гжели. Нет, не поражает она сверхсовременной технической оснащенностью и какими-то особенными условиями, в которых, казалось бы, должны работать люди, творящие белоголубую сказку. Полки и стеллажи светлого цвета уставлены и уже расписанными кобальтом изделиями, и только готовыми к росписи, ждущими точных прикосновений кисти девушек-живописцев. А на отдельном стеллаже стоят изделия, изготовленные школьниками, проходящими здесь практику. Да, в Гжели заботятся о подготовке смены. А учиться юным гжельцам есть у кого — она славна талантами.

Потомственная керамистка — фамилия Дунашовых давно известна в Гжели, — великолепный мастер росписи Татьяна Сергеевна Дунашова была одной из первых исполнительниц творческих замыслов и рисунков Бессарабовой. Теперь Татьяна Сергеевна — ветеран, один из лучших художников Гжели, автор многих интересных композиций и орнаментов, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина.

Очень интересны, своеобразны и работы А. Н. Федотова. Мы рассматривали его произведения в мастерской художника, где Александр Николаевич рассказывал нам об истории и современных проблемах Гжели, а сам то и дело нетерпеливо поглядывал на готовый к росписи чайный сервиз — мы оторвали художника от работы. У Федотова, не так давно пришедшего в Гжель, сложившийся почерк. Он «насыщает» свои чайники, кувшины, сервизы активным цветом, они объемны, яркие, живописны.

Вообще, когда смотришь работы различных гжельских мастеров, поражаешься разнообразию не только пластических форм, но и гаммой живописных решений. А ведь всего два цвета обычно в распоряжении художников — голубой цвет неба и белый — снега. Вот, видимо, в чем тайна обаяния Гжели — в белоголубой гамме, так характерной для пейзажа срединной России, где родилось это искусство.

Пожалуй, наиболее совершенное выражение того, что мы называем искусством современной Гжели, можно увидеть в работах народного художника РСФСР Людмилы Павловны Азаровой. Прошло немало лет с тех пор, как Азарова начала работать в Гжели и включилась в возрождение традиций гжельского фарфора. В ее творчестве подкупает именно верность традиции. Произведения мелкой пластики, исполненные в стиле русской народной скульптуры и игрушки, прекрасное чувство формы и стиля, фантазия и раскрепощенность характерны для творчества Азаровой. А символах «гжели», известной теперь во многих странах, стал прелестный азаровский «Самовар»...

Ныне часто приходится слышать — «гжели» мало, ее трудно «достать» — мода и темпы века не обходят промысел стороной. А ее и должно быть мало. Гжель уникальна, и ее искусство невозможно поставить на поток, на конвейер. И сейчас девушки-мастерицы расписывают, тиражируют десятки видов предметов, выполненных по образцам прекрасных художников. И каждый предмет, выходящий из их рук, своеобразен, хотя и создан по утвержденному канону, ведь, чтобы ожить глина, чтобы расцвело на ее белизне голубое небо и распустился на снежном фоне сказочный синий цветок, они вкладывают в свою работу душу и талант.

Будем же бережны к этому старому искусству и благодарны тем, кто возродил и создает такую красоту.

В. ПЕТРОВ

¹ Цитируемые здесь и ниже документы взяты из книги С. Гамелкина и М. Капитана «Гжель и гжельцы», М., 1969.

ДУША НАРОДНАЯ

Олекса НОВИЦКИЙ

Украинская поэзия в лице ее лучших мастеров ставит перед собой все новые и все более сложные задачи, властно продиктованные самой жизнью, и достигает в решении этих задач значительных успехов. Среди этих мастеров мы с гордостью называем Миколу Бажана, выдающегося художника наших дней, который постоянно находится в напряженных поисках, в непрерывном труде и горении.

С точки зрения высоких требований и задач сборник стихов Миколы Бажана «Карбы» — в русском переводе книга вышла под названием «Знаки» — является шагом вперед на его пути. В своих «Карбах» поэт глубоко осмысливает факты и события современности, давая образец поэтического видения мира и его отражения в полноценных художественных образах.

Книга Миколы Бажана пронизана высоким гражданским пафосом созидания, философской углубленностью в современную жизнь. Между содержанием вышедшего на русском языке сборника и украинским разницы лишь в том, что в русском не представлены стихи «Песня о Соколе». Но зато здесь печатается одна из замечательных поэм М. Бажана — «Ночные раздумья старого мастера», в которой автор от имени ветерана обращается к молодому поколению нашей страны, продолжателю славных дел своих дедов и отцов. Эта поэма имеет принципиально важное значение для нашей литературы и читателя как вдохновенное произведение о рабочем классе, о преемственности поколений. Поистине волнующий образ рабочего человека, перед которым сияет его счастье, завоеванное в боях и труде. Рабочее счастье.

Оно называлось работой и дружбой,
нелегкой дорогой — моей и твоей —
на шахту из глиняной хижинки южной.
Оно чуть сияло в начале пути,
как угля крупинцы в ребячьей горсти.
Как проблески света —
еще до восхода.

Встречались в пути
и беда,
и невзгода.
Сквозь пыль наших пустошей
елизаветградских,
из сирых домишек
луганских селений,
сквозь пущи и хляби походов солдатских,
из черных — чернее угля —
подземелий
я вынес его,
свое счастье рабочее.

А открывают сборник стихи высокого идейного звучания — «Во имя человека и народа», перекликающиеся с произведением Павло Тычины, начинающимся известной строкой: «Я есть народ, которого правды сила никем не была побеждена...»:

Я есть Народ. Творю я общий подвиг
Свободы ради, ради прав людских —
Прав подлинных. Я — Человек, свободный
Свободой всех соратников моих.

Я — Человек. Сын своего Народа,
Где друг есть друг, а если брат, так брат.
Страны Советов счастье и свободу
Вложили мы в Закон — да будет так!

Поэт не только проникновенно воссоздает то или иное событие, но емким, взвешенным словом воздействует на наше сознание, на наши чувства, властно подво-

дит читателя к изображенным событиям, делая его их соучастником. Мы чувствуем, например, свою причастность к знаменательным историческим событиям, к классовым битвам пролетариата (стихотворение «В музее Ленина»). Мы словно видим, как люди, пришедшие к Ленину учиться, «замедлят шаг под знаменем святым. И снова в путь — бороться и трудиться».

Привлекает внимание произведение, посвященное Лесе Украинке, в частности открытию ей памятника в Саксатауне, который является дружеским даром канадцам от народа Советской Украины. Это страстное стихотворение приобретает особое звучание и значение: оно не только показывает величественный образ бессмертной

Фото Я. Давидзона

Леси, но и разоблачает препоны, чинимые враждебными националистическими силами, то, как «нелегко было снимать препятствие за препятствием, топтать и коварство, и ложь, побеждать ненависть и злобу тех, кто, — по определению поэта, обращающегося к Лесе Украинке, тщится прикрываться именем твоего народа, тех, на которых ложится проклятие за преступление и измену».

Как бы апофеозом восхищения и вдохновения звучит стихотворение М. Бажана «Над переводом из Гурамишвили». В нем мы чувствуем неподдельный лиризм и «первые запахи, и первый проблеск дня», глубокую любовь к Грузии, прозрачность вечных источников ее искусства, во многом определившие на долгие годы и труд

и поэтический подвиг М. Бажана, связанный с блестящими переводами «Витязя в тигровой шкуре» Руставели и «Давитиани» Давида Гурамишвили.

Не может не волновать поразительное признание выдающегося мастера, продиктованное многолетним интересом к культуре грузинского народа, к творчеству великого поэта Грузии, хлебопашца и воина Давида Гурамишвили:

Из тех ключей бездонных, бесконечных,
Живую воду ненасытно пью,
И жажда поисков, и страсть скитаний
вечных
Пусть полнят душу жадную мою,
И встану я тогда, омою сердце, слово,
И в книге скорби вновь я распахну листы.
И жадно, горячо вгляжусь я снова
В движение и плач Давидовой мечты.

Когда читаешь стихи М. Бажана, не оставляет мысль об огромном богатстве его художественной палитры. Это подтверждается завершающим разделом книги — «Ночные концерты».

М. Бажан благодаря удивительному проникновению в сложную стихию музыки воссоздает эпические картины, связанные с образами украинского композитора Леонтовича, а также Шуберта, Сибелиуса, Шостаковича, выдающейся певицы Эдит Пиаф... Это монументальные поэтические произведения, в которых впечатляют и образы, и ритмико-мелодические краски, и широкие философские горизонты. Поэт свободно ориентируется как в неисчерпаемой кринице музыки Леонтовича, так и в музыке Эйтора Вила Лобоса (1887—1959), выдающегося бразильского композитора, произведения которого пронизаны самобытным духом народной музыки, вобравшей в себя мотивы индейские, негритянские и латиноамериканские. Мир музыки и живой жизни трепетно звучит и находит свое яркое проявление в стихах этого цикла, в богатстве его ритмики, метафор, аллитераций. Он является логическим продолжением на высших регистрах лучших и смелых поисков М. Бажана, с таким блеском проявившихся в его книге.

Мы говорим — музыка и жизнь. Именно так. Эти два мира у М. Бажана взаимосвязаны, взаимообусловлены, органически соединены и слиты. Чтобы представить уровень мастерства произведений этого цикла, приведем хотя бы несколько строк из стихотворения «Седьмая симфония Шостаковича». В них чувствуется и грозный час блокады, и наступление вражеских орд, и глубокие раздумья, и предвосхищение того времени, когда была прорвана ленинградская блокада:

Поступь чудовищ. Грохот убийц. Топот сапог.
Все шире. Все глубже. Все ближе.
Бьет в землю, бьет в степь. Бьет в порог.
Валит. Ревет.
Пастью пылающей лижет.
Плещут удары. Плещут пожары.
Стук. Гром. Крик.
Машин бронированных ромбы...

«Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть непрерывное условие писательского бытия», — говорил Александр Блок. Этим творческим, вдохновенным, полным гражданского пафоса бытием отмечена и новая книга поэтических произведений М. Бажана, являющаяся «отзвуком целого оркестра, т. е. отзвуком, — как говорил Блок, — души народной».

Киев.

СОВЕСТЬ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Подписи под приветствием
В. Г. Короленко из Вологды.
В верхней строке — подпись
М. И. Ульяновой.

«В 60-ю годовщину Вашей жизни мы все без различия наших взглядов и убеждений любовно приветствуем Вас, земно кланяемся Вам, дорогой Владимир Галактионович, и сердечно желаем еще долгие и долгие годы служить русской литературе, твердо охраняя совесть русского общества и быть непоколебимым поборником народного дела».

Так заканчивается приветствие, посланное В. Г. Короленко из Вологды ко дню его 60-летия, исполнившегося 15 июля 1913 года. Под текстом — 824 подписи. В числе многих приветствий, полученных Короленко к его юбилею, приветствие из Вологды хранится в Отделе рукописей библиотеки имени В. И. Ленина в Москве.

Книговед У. М. Спектор, изучающий вологодские издания, внимательно прочел все подписи под приветствием Короленко и обнаружил среди них подписи: «М. Ульянова», «Валериан Куйбышев».

Мария Ильинична Ульянова, сестра В. И. Ленина, за революционную деятельность осенью 1912 года была выслана из Саратова в Вологду и находилась в вологодской ссылке около двух лет. Валериан Владимирович Куйбышев приехал из Петербурга в Вологду в июне 1913 года, прожил в Вологде лето и, связавшись с политическими ссыльными, проводил революционную работу в организованном ссыльными обществе «Просвещение».

Подписи М. Ульяновой и В. Куйбышева под приветствием — не единственный отклик их на деятельность Короленко.

В январе 1911 года общественность России отметила 25-летие возвращения Короленко из сибирской ссылки. В Полтаве, где жил Короленко, была по-

лучена телеграмма из Саратова от 27 января 1911 года с 13 подписями, среди которых была также подпись М. И. Ульяновой; кроме нее, подписались Анна Ильинична Ульянова, ее муж М. Т. Елизаров, большевики А. М. Лежава, О. В. Пилацкая и другие. Об этом известно по описи приветствий, составленной в полтавском музее Короленко до войны. Текст телеграммы найти не удалось. Возможно, его еще удастся обнаружить среди жандармских перлюстраций, поскольку все подписавшиеся состояли под надзором полиции.

О впечатлении В. В. Куйбышева от одной из статей Короленко узнаем из письма от 25 августа 1910 года, написанного Куйбышевым в нарымской ссылке: «Сегодня прочел в «Русском богатстве» статью Короленко «Бытовое явление». Очерки о смертной казни. Если ты не читала, то прочти. Не хочется писать о ней: слова будут бледны. Поражаешься, как мало мы думаем об этих ужасах, что ежедневно на рассвете творятся на дворах тюрем. Уже привыкли к этому, казнь уже вошла в обиход нашей жизни, стала бытовым явлением, над которым не задумываются. И вот в этом равнодушии весь ужас».

Об этом же читаем в приветствии Короленко из Вологды: «Во время ужасов и разгула недавно пережитой русской реакции, когда все было разбито, подавлено, когда человеческая жизнь была обесценена, Вы одновременно со Львом Толстым нашли в себе достаточно смелости и решимости, чтобы поднять свой голос против смертной казни».

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

ДЖЕК ТВ ЛОНДОН ОБЛИЧАЕТ

Обращаясь к молодым авторам в статье «О писательской философии жизни», Джек Лондон утверждал: «Писатель должен держать руку на пульсе жизни, и жизнь даст ему его собственную рабочую философию, при помощи которой он, в свою очередь, станет оценивать, взвешивать, сопоставлять и объяснять миру жизнь».

У самого Джека Лондона убеждения сложились рано. Он писал свои произведения, обличая мир капитала, мир олигархии, который называл Железной пятой.

Экранизация на ТВ пьесы Джека Лондона «Кража» позволила зрителям увидеть возмущенно буржуазное общество: бездушные и хищнические, грубое унижение достоинства и прав человека.

Создатели картины прочли пьесу как произведение остро-социальное, глубоко психологическое. И экранизация прозвучала необычайно современно, все будто взято из нынешней жизни финансового магната Старкуэтера.

Своеобразный бунт его дочери Маргарет против отца — это конфликт, в который так или иначе втянуты все действующие лица, конфликт обличающий. Он позволил создателям фильма убедительно показать характеры и нравы — противостоящие, несовместимые... Энтони Старкуэтер и Маргарет — разные люди, чужие... Отчетливо обрисованы бездушные отношения людей в буржуазном обществе, где деньги, денежные дела — прежде всего.

И. Смоктуновский в роли Энтони Старкуэтера — жестокий, внутренне пустой «властитель мира». Холодом веет от него. И невольно вспоминается еще одно замечание Джека Лондона о том, что он, беседуя с промышленными магнатами, поражался скудости их запросов, а в то же время видел, как уродливо развит их ум, поглощенный интересами бизнеса. Их нравственность равнялась нулю.

Вот этот «нуль души» и открывает нам фильм.

Думается, роль Маргарет дала А. Вертинской какие-то новые, не раскрытые доселе в ее индивидуальности черты. Сам же Джек Лондон видел в героине более всего следы светского воспитания, рафинированной культуры, но считал при этом,

что она может быть и твердой, жесткой, даже циничной, — отцовское наследие...

В образе Маргарет жесткости, тем более цинизма — нет; она обаятельна, умна, поначалу несколько беспечна и легкомысленна. Но после встречи с Говардом Ноксом, после бесед с ним — это уже человек, способный бороться за идею. И руководствуется она не только личными чувствами к Ноксу (И. Бударитис), а верит в правду, открывшуюся перед ней; это и помогает выстоять в своеобразном поединке с отцом.

А все остальные — как же мало в них достоинства! Муж Маргарет готов закрыть глаза даже на возможную неверность жены, лишь бы не было скандала, не пропало состояние. Он готов на любую сделку... Лицемерен, а значит, нечестен и священник.

Фильм заслуживает благодарности зрителей за обращение к Джеку Лондону, который сказал: «Я сохраняю веру в благородство и величие человека... И наконец — я верю в рабочий класс».

Г. НЕСТЕРОВ

И. Смоктуновский в фильме «Кража».

ПРОСТО ВЗРОСЛАЯ КОШКА

Наталья АБРАМЦЕВА

РАССКАЗ

В одной квартире, современной, удобной, жили хозяйка и ее кошка. Вернее, кошка и ее хозяйка. Хозяйка то на работе, то по магазинам, то по знакомым, мало ли где может пропадать одинокая приятная женщина, чей возраст определить почти невозможно да и незачем.

С кошкой все не так: и возраст ее известен, и из дома она не пропадает. Кошка все дома и дома, и чаще одна. Кошка скучала, пробовала подружиться с телефоном. Как только начинал звонить, мча-

лась к нему из любого угла квартиры. Прыгала, мяукала, тихонько дергала за шнур. Но после нескольких звонков телефон замолкал. Тогда она решила познаться с водопроводными трубами. Даже научилась урчать почти так же, как они. Но трубы не обращали на кошку внимания. Однажды хозяйка пришла с работы поздно. Кошка уже ждала ее, сидела возле двери. Наконец дождалась, замурлыкала.

— Ну-ну, не путайся под ногами, — ласково подтолкнула ее хозяйка, — посмотри лучше, что я принесла. — Она показала кошке большую картонную коробку. Это часы с кукушкой. Очень симпатичные часики. И как раз к нашим обоям.

— С кукушкой! — обрадовалась кошка. — Кукушка — это кто-то живой. Как хорошо, что со мной будет кто-то живой!

Хозяйка открыла коробку. Белый домин, красная крыша, золотые полоски циферблата, маленькая дверца под крышей.

— Ну как? — спросила она кошку.

Кошке домик понравился. Укрепили его на стенке. Хозяйка толкнула маятник. Часы затикали. И вот что-то в них зашипело, открылась дверца под крышей, выглянула кукушка. Она кивнула, ясно сказала «ку-ку», снова спряталась.

Кошка села под часами. Ждет... Часы тикают. Кукушка не выглядывает. Кошка посмотрела на домин, тихонько мяукнула, позвала кукушку, та не отвечает. А хозяйка подошла к кошке, погладила.

— Ну что, — спрашивает, — сидишь здесь? Игрушка понравилась? — И остановила маятник, чтобы ночью кукушка не будила своим «ку-ку».

Погас свет. Хозяйка спит. Молчит кукушка. Ждала кошка в темноте, в тишине и как-то случайно уснула. А утром хозяйка ласково потрепала кошку.

— Эх ты! Сторож! Деревянную птичку не укараулила.

Кошка удивилась:

— Что за «деревянная птичка»? Деревянный стол, деревянная дверь. А кукушка? Разве деревянная? Что-то непонятно! Ведь вот снова выглянула, кивнула, снова прокуковала.

Весело мурлыкая, кошка проводила хозяйку на работу. Вернулась хозяйка действительно поздно. И сразу заметила, что кошка ее не встречает. Удивилась, вбежала в комнату.

Вот она, кошка. Нельзя сказать, что грустная или обиженная, расстроенная. Нет, спокойная. Подошла к хозяйке, мурлыкала. Только серьезно как-то. Без обычных эмоций. Хозяйка решила, что просто кошка крепко спала.

Только она не спала. Лежала в

темноте и думала о том, что узнала, а вернее, почувствовала в этот день. Трудный был день. Кошка поняла, что кукушка действительно «деревянная птичка». Не настоящая. Не живая. Игрушка.

Каждые полчаса, как и положено, кукушка выглядывала, куковала, кивала. Кошка в ответ тоже кивала и вежливо, приветливо мяукала. Но кукушка пряталась, не обращая на кошку никакого внимания. И кивала только в одну сторону, непонятно на кого глядя... Сядешь слева, сядешь справа, все в одну точку кивает, все мимо тебя. Странно! Кошка на шторы забралась, чтобы лучше увидеть кукушку, чтобы та ее узнала. Кошка мяукала до хрипоты. Она требовала кукушкиного внимания. Но кукушка выглядывала, куковала, кивала — ни разу не ошиблась.

— Ну, деревянная. Что ж поделаешь...

А когда зазвонил телефон, кошка и ухом не повела.

«Это еще ничего не значит, что у тебя такой звонкий голос, — подумала она. — Может быть, ты тоже вроде деревянной игрушки».

А когда заурчали водопроводные трубы, она сказала:

— Мало ли кто урчать может!

И когда пришла хозяйка, веселая и ласковая, как обычно, кошка встретила ее уже не взрослым кистенком и не молодой кошкой. Она стала просто взрослой кошкой.

ПРОЗРЕНИЕ

Александр
ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ

Впервые я переступил порог молитвенного дома Московской общины евангельских христиан-баптистов в конце декабря 1978 года, а 31 декабря 1979 года последний раз принял участие в служении в качестве солиста во время богослужебного собрания по случаю праздника «Встреча Нового года». В конце января 1980 года я написал заявление в пресвитериат о выходе из Московской общины евангельских христиан-баптистов.

Хочу подробнее рассказать, как я пришел в церковь. В конце 1977 года у нас с женой произошел разлад, и я, покинув семью, отправился к своей матери, жившей отдельно от нас. Где-то в конце сентября 1978 года я вернулся в семью. Казалось бы, личная жизнь снова вошла в нормальную колею, но как-то после работы дома я увидел гостью, женщину лет шестидесяти, что-то оживленно рассказывавшую своим родным. На столе перед ними лежала большая книга — это была Библия. Гостя вскоре засобиралась и ушла, оставив несколько десятков затрепанных страниц Ветхого завета на церковнославянском языке.

После ужина у нас с женой состоялся разговор, из которого я узнал, что жена и дочь ходили в молитвенный дом евангельских христиан-баптистов. Я и раньше знал, что жена, как говорится, близка к богу, но ходить, молиться... Этот разговор, конечно, не оставил меня равнодушным.

До этого я и понятия не имел о баптизме, хотя мне несколько раз попадались статьи в периодической печати, где говорилось о сектантах, но все это было так далеко от меня, что серьезно я никогда не задумывался о религии. В самом деле, я окончил институт, сдавал кандидатский минимум по философии, был активным комсомольцем, как и большинство моих сверстников, родившихся в 30-х годах. На заводе, где я работал последние десять лет инженером-конструктором, был членом завкома, председателем товарищеского суда.

И вот в декабре 1978 года впервые увидел молитвенный дом Московской общины с вывеской ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Я стал бывать на богослужебных собраниях, познакомился с новыми, необычными для меня «братьями во Христе Иисусе».

В служении принимал участие молодежный хор, исполнявший в основном классические произведения — Баха, Бетховена, Генделя. Дома мы долго разговаривали о верующих, о руководителях церкви, об услышанных проповедях. Помню, я тогда сказал, что пресвитеры больше похожи на дипломатов, чем на священников. Жена ответила, что многие из них учи-

лись за границей и часто ездят туда в командировки.

Вскоре нас с женой пригласили на первое в моей жизни «духовное общение семейных братьев и сестер». Оно проводится раз в месяц. Здесь обычно обсуждаются вопросы духовного воспитания детей, меры наказания. «Общение» вел «брат» Николай. Впоследствии я узнал, что его фамилия Епишин, но чаще его называют Коля Брянский — по названию города, откуда он приехал. Присутствовало тут несколько пресвитеров, дьяконов и проповедников, которых ранее я видел на кафедре во время богослужебных собраний, несколько супружеских пар, солист так называемого молодежного хора «брат» Борис. Всего человек двадцать пять.

После вступительной молитвы Епишин прочитал какие-то строки из Библии, а затем люди стали делиться своими соображениями. Помню, речь шла о наказании детей за непослушание, и я впервые услышал, как открыто, со ссылкой на Библию, проповедует система телесных наказаний детей. Особенно усердно доказывал их пользу дьякон Жуликов. Я не мог с ним согласиться, и наш спор постепенно принимал такой оборот, что на меня посыпались оскорбления. Мы с женой уже хотели было уйти, но присутствовавший пресвитер успел передать Жуликову записку, и тот, прочитав ее, неожиданно извинился перед нами. Так мы оказались в центре внимания. Начались расспросы: «Кто вы? Откуда? Как пришли в церковь?» Жена ответила, что она педагог по образованию, я инженер, что в церковь ходят и теща, и шестнадцатилетняя дочь, и десятилетний сын.

После заключительной молитвы я подошел к Борису, чтобы спросить, где он учился пению. Разговорились. К нам присоединился Епишин, и мы продолжили разговор о воспитании, духовной жизни евангельских христиан-баптистов. Я откровенно признался, что не могу молиться, молитва кажется мне чем-то несерьезным, чуть ли не детской игрой, что совершенно незнаком с Библией. Епишин успокоил:

— Чтобы научиться молиться и находить в этом смысл, необходимо покаяние.

В ближайший понедельник мы с женой попали на «духовное общение начинающих верующих». С этого момента и началось мое участие в делах молитвенного дома. Все последующее время моего пребывания в церкви теперь могу назвать настоящим «угаром духовных общений». Я начал посещать церковь все чаще — в молитвенном доме ежедневно проводятся какие-нибудь «духовные» мероприятия. В проповедях я ничего не понимал, да и надобности в этом не чувствовал, молиться по-прежнему не умел, но вот «общения» давали гораздо больше, чем все проповеди и мо-

литвы, на которых мне нравилось только хоровое пение да выступление двух солистов молодежного хора — Бориса и Саши.

Первое «общение начинающих верующих» запомнилось очень хорошо. Его, как и большинство последующих, проводил Епишин. Собралось человек двадцать. Для начала Епишин предложил каждому рассказать о своей жизни, о своем пути к богу. Начал сам — рассказал о себе, о своей семье, о «гонениях», которым якобы подвергался его отец, о своих родных братьях — служителях баптистских церквей в различных областях страны.

Далее по порядку каждый рассказал о себе. Меня удивило, что коренных москвичей среди присутствующих оказалось очень мало, большинство приезжие, работают по так называемому лимиту или учатся. Средний возраст «братьев» и «сестер» двадцать пять — тридцать лет. Когда дошла очередь до меня, я искренне признался, что мне понравились доброжелательность и душевность «братьев» и «сестер» — тогда я еще верил в это.

Надо сказать, что истины, которыми так умело оперируют евангельские христиане-баптисты, произвели на меня впечатление. В самом деле, призывы к честности, доброте, человеколюбию не новы для нас, мы воспитаны на этом с детства, читаем обо всем этом в книгах и газетах, смотрим в кино и в передачах по телевидению. Но ничто не может сравниться по силе воздействия с живым человеческим словом, которым, надо отдать должное, церковные проповедники в большинстве своем владеют виртуозно, используя многовековой опыт христианства.

Характерно, что подавляющее большинство впервые приходят в церковь после какого-либо сильного потрясения. И такой человек, попадая в молитвенный дом, слыша призывы к христианской любви, доброте, взаимопомощи, невольно проникается доверием к церкви. И он приходит сюда еще и еще раз. Его приглашают на очередное «духовное общение», узнают, в чем человек нуждается, сочувствуют, а затем с помощью «духовных братьев и сестер» приводят к покаянию.

Покаяние или облегчение души от тайных, тяжелых мыслей — вот цель всех собраний, молитв, проповедей. Каждый вновь пришедший должен покаяться — это закон любой общины евангельских христиан-баптистов. «Братья» обычно очень подробно рассказывают о своем покаянии. Епишин несколько раз приглашал всех присутствующих к молитве, в которой призывал новеньких к покаянию, повторяя евангельские слова: «Покайся, и ты будешь иметь жизнь вечную». От этого стиха Библии и исходят евангельские христиане-баптисты, когда призывают всех впервые прихо-

дящих в церковь покаяться, то есть публично, в форме молитвы, признать свои заблуждения и ошибки перед богом, перед всеми присутствующими в церкви людьми.

Переступив порог церкви, человек в первой же проповеди слышит историю распятия, слышит слова о крови Христа, пролитой за «наши грехи». Об этом говорят проповедники, поют церковные хоры и все присутствующие. В результате постепенно начинаешь верить, что ты и в самом деле грешен перед Христом, попадаешь в состояние какого-то душевного напряжения. И тебе кажется, что избавиться от этого напряжения ты можешь только покаянием, часто связанным с огромными нервными нагрузками. Мне приходилось видеть, как покаившиеся падали в обморок, а церковные служители при этом утверждали, что если не можешь покаяться, значит, находишься во власти сатаны. Сняв таким образом нервное напряжение, покаившийся становится более спокойным, и окружающим кажется, что происходит это под влиянием «духовных сил».

Характерная черта «покаившегося» — естественное стремление поделиться с окружающими своими чувствами, мыслями. По существу, это еще одна возможность привлечь новых людей в общину. Кстати, почти все мои знакомые сразу же после покаяния привели новеньких, и в церкви начались разговоры о возрождении веры.

Общения «начинающих верующих» проводились каждую неделю, и я, насколько помню, не пропустил ни одного. Обычно здесь разбирали отдельные главы Евангелия. Так я постепенно постигал священное писание. Мне подарили Библию, и у меня появилась возможность читать ее и дома. Так постепенно я «духовно возрастал», стал участвовать в разборах священного писания, в молитвах. Но особый интерес проявлял к хоровому пению. Меня познакомили с регентом молодежного хора «братом» Женей. Он попросил меня спеть. Я спел «Благословляю вас, леса», романс Чайковского. Регенту понравилось, и он пригласил меня на репетиции хора.

23 февраля на очередном молитвенном общении группы Епишина мы с женой «покаялись» и подали заявление о приеме нас в члены Московской общины евангельских христиан-баптистов. Крещение было назначено на 8 мая 1979 года. Теперь мы уже назывались «приближенными» — имелись в виду приближение к богу.

Так за короткий срок я превратился в верующего, и, к горькому моему сожалению, дети наши тоже стали верующими.

Однажды мы с женой оказались на общецерковном молодежном собрании. Собралось человек двести — двести пятьдесят молодых людей, объединенных в пять — семь групп. Одна из них — группа Епишина. На этом собрании я познакомился с руководителями других групп, в частности с Семченко, группа которого насчитывала около ста человек. Увидел я наконец и «сестру» Веру Блинову, с которой давно хотел погово-

ритель, так как в ее группу вошла наша дочь.

На собрании, о котором я рассказываю, Семченко и другие проповедники отвечали на вопросы «братьев» и «сестер». И тут я впервые почувствовал их растерянность: на некоторые вопросы ни тот, ни другой не смогли дать вразумительного ответа. Не получил и я ответа на свой вопрос. В мире насчитывается около трех тысяч христианских течений, причем их количество продолжает увеличиваться. Я попросил объяснить, почему нет единой христианской церкви, о которой говорит в своем учении Христос. Элементарная логика требует единства церкви: раз един Христос, едино его вероучение, следовательно, все, исповедующие это учение, должны быть едины, однако этого нет. Почему?

А вопрос, который я задал, возник у меня не случайно. По мере того, как я знакомился с новой для меня жизнью, все больше разочаровывало отсутствие единства даже внутри церкви. По прошествии нескольких месяцев я находил все больше противоречий и в деятельности Московской общины и в поведении отдельных верующих. Одни «братья» и «сестры» очень тепло относятся друг к другу, другие — откровенно враждебно.

Хочу рассказать о случае, который глубоко потряс меня. Большинство верующих во время «собрания» сидят и приподнимаются, лишь тогда, когда молятся или поют духовные гимны и псалмы. Те, кому не хватает места, стоят. Обычно, отсидев примерно половину службы, а она длится около двух часов, «братья» и «сестры» уступают места тем, которые стоят. Однажды перед собранием я заметил вошедшую в церковь молодую женщину, готовившуюся стать матерью. Она села на скамью. Через несколько минут к ней подошла «сестра» средних лет, что-то шепнула ей на ухо, и та, покраснев, поднялась — уступила место подошедшей. Началось «собрание», прошло минут тридцать — сорок. Никто места беременной не уступал, и она, вероятно, устав стоя, тихо вышла из церкви через боковую дверь. По окончании «собрания» я подошел к «сестре», которая не лучшим образом отнеслась к будущей матери, и спросил ее:

— Почему же вы не уступили место беременной?

Ответ был лаконичным:

— Она «субботница» — пусть ходит мыть ноги на свои собрания.

Субботники — представители одного из течений евангельских христиан, которые проводят самостоятельные молитвенные собрания, соблюдая ритуал «омовения ног».

— Но ведь она христианка! — возразил я. Ответа не последовало.

Этот случай привел меня к глубокому раздумью об истинности христианской доброты, любви, человеколюбия. Он же побудил меня задать вопрос: к чему такое обилие христианских верований? Ответить правильно — значит подвергнуть сомнению не только истинность Евангелия, но и сам факт существования Христа, его учения. Ведь истинная причина множества христианских

направлений, течений и вероучений одна — каждый основатель очередного христианского вероучения хочет быть пастырем и жить за счет паствы. Евангелие помогает пастырям, ибо в нем сказано: «Отдай десятину богу». И пастыри во все времена безбедно существовали и существуют и в наше время в церквях евангельских христиан-баптистов.

Епишин после собрания, отозвав меня в сторону, предупредил, чтобы с вопросами я был поаккуратней, а то, дескать, так можно далеко зайти. Что он под этим подразумевал, я тогда не понял, но впоследствии и, к счастью, очень быстро, сообразил, что даже такие «непрофессиональные пастыри», как Епишин, отлично знают и знают все тонкости истинных причин обилия христианских вероучений, враждебного отношения верующих одного течения к верующим другого.

Тогда же я задал еще один вопрос: как нужно относиться к православным христианам? На вопрос последовал вопрос. Какое вероучение исповедую я — уж не из православных ли? Больше я вопросов не задавал, ибо понял, что в среде евангельских христиан-баптистов традиционно не признают ни православных, ни католиков, а большинство руководителей церкви насаждают в общинах враждебное отношение к исповедующим другие вероучения.

Невольно я обратил внимание и на то, что между руководителями групп существует своего рода соперничество: каждый хочет, чтобы его группа была более многочисленной, авторитетной, сплоченной. Особенно бросалось в глаза соперничество между Епишиным и Семченко, неофициальными руководителями «молодежного движения» евангельских христиан-баптистов в Московской общине, и оба мечтают об официальной церковной должности. Как мне стало известно, бывшие друзья теперь неприязненно относятся друг к другу.

Хотелось бы также рассказать о группе Веры Блиновой, в которую, как я уже говорил, вошла дочь моей жены от первого брака — она училась тогда в девятом классе. Из церкви она возвращалась иногда очень поздно, и на следующий день мне приходилось будить ее, чтобы не опоздала в школу. Девочка стала более замкнутой, какой-то нервной, все чаще пропускала занятия в школе, совершенно перестала помогать матери по дому. Зато могла часами вести «духовные» разговоры со столь же юными «сестрами», чуть ли не часами молиться. При этом молитвы ее становились все более длинными, чувствительно-слезливыми, она часто плакала, читая Библию.

Шло время, и поведение девочки все более тревожило меня. Она все более отчуждалась от семьи. При первой же встрече с Блиновой я решил поговорить с ней, надеясь, что она объяснит странные перемены в поведении дочери и поможет мне повлиять на нее. К сожалению, я ошибся. «Сестра» Вера, внимательно выслушав меня, заявила: «А что вы хотите? Я тоже, когда уверовала, бросила школу». Вести дальнейший разговор было бесполезно — с такой «духовной сестрой» говорить о воспитании трудно. Несколько позже Епишин, которому я рассказал о беседе с Блиновой, сказал мне: «Она — фанатичка и неправильно ориентирует молодых». Я был ошеломлен такой характеристикой в устах «брата по вере». На мой вопрос, почему пресвитериат разрешает ей работать с группой совсем молодых людей, Епишин неопределенно махнул рукой.

Группу Блиновой, в которую входят подростки, можно назвать «молитвенной». Во время духов-

ных общений они молятся иногда по несколько часов. Как правило, попав в группу Блиновой, молодые люди или начинают хуже учиться, или совсем бросают учебу, становятся замкнутыми, вспыльчивыми, грубыми. Было больно видеть, как на моих глазах дочь превращалась в истеричную фанатичку. Между нами всегда были дружеские отношения, а теперь я чувствовал, что теряю ее, понимал свою вину: разрешив ей посещать церковь, я совершил грубую ошибку.

По субботам после молитвенных собраний в помещении церковной столовой проводятся своеобразные разборы отдельных глав и стихов Нового завета. Руководит Епишин. Приглашаются все желающие, независимо от того, являются ли членами церкви или нет. Иногда приглашаются и православные и, что особенно интересно, неверующие люди. На таких разборах выступить может каждый. Единственное условие — говорить по существу обсуждаемого места Евангелия. Следит за этим руководитель — Епишин.

Вначале, когда я еще плохо знал Библию, мне нравились эти собрания, так как они позволяли знакомиться с различными толкованиями тех или иных стихов Евангелия. Постепенно я стал втягиваться в обсуждение «духовных» вопросов. Отношение ко мне было доброжелательным, особенно со стороны Епишина. Но некоторые «братья» были настроены настороженно и даже враждебно. Не всем нравились мои попытки дать логическое объяснение иным притчам Нового завета. Мне все время хотелось получить ясное, убедительное объяснение того или иного стиха Евангелия, и я пытался повернуть обсуждение на научную основу. Вероятно, таков склад моего ума, образ мышления — в самом деле, как можно принимать на веру «воскрешение Иисуса Христа» или «оживление Лазаря»?

Посещая эти разборы, я наивно полагал, что существует неведомое мне объяснение всем этим «чудесам», если не строго научное, то хотя бы богословское. Но чем упорнее я искал такое объяснение, тем холоднее становилось отношение ко мне. Наконец, на одном из таких субботних собраний я услышал в свой адрес довольно грубое замечание кого-то из «братьев»: «Хватит тебе со своей наукой лезть — эта наука и виновата во всех бедах христиан». Епишин постарался смягчить эту реплику, сказав присутствующим, что я в церкви недавно, еще не принял «святого водного крещения» и потому, дескать, многое не понимаю. Жена после собрания заявила мне: «Кончай пугать верующих своей эрудицией!»

В то же время начали проводиться песни молодежного хора, и я по совету жены и Епишина стал ходить на репетиции, забросив субботние «разборы», из которых вынес убеждение, что все верующие руководствуются одним принципом: «Верую — значит истинно». «Вера не нуждается в доказательстве», — любит повторять Епишин, имея в виду веру в бога, в Иисуса Христа, в Евангелие. И каждый раз он пытается подтвердить свои слова цитатой из какой-либо богословской брошюры. Такими брошюрами церковь буквально наводнена. Как правило, их авторами являются современные западные богословы-баптисты, и изданы они, естественно, на Западе.

Чем ближе приближалось мое «святое водное крещение», тем больше вопросов возникало у меня. Епишин это заметил и стал чаще со мной беседовать, приглашал к себе домой.

Присматриваясь к «братьям», я

все больше удивлялся тому, что среди них большинство имело крайне низкий уровень развития. Свой интеллектуальный багаж они пополняли в основном за счет чтения Библии и тех самых «духовных» брошюр, о которых я упоминал. Ни книг, ни журналов, ни газет большинство евангельских христиан-баптистов не читает: это, мол, «дьявольское порождение». Даже телевизионных передач почти никто из верующих не смотрит — церковь запрещает. Да и профессии их таковы, что не требуют особой эрудиции. Причем многие работают не по своей специальности — лишь бы получить возможность в рабочее время читать Библию, молиться или вести «духовные» разговоры. Знания, полученные в школе, давно утрачены, головы забиты «духовными истинами»: все современные научные открытия и достижения работают на дьявола, приближая конец света. Таково единодушное мнение большинства — и рядовых «братьев» и руководителей церкви, проповедников.

В ожидании «святого водного крещения» я продолжал допытываться, почему в церквях ВСЕХ нет единого вероучения. Вразумительного ответа я так и не получил. Мне вначале рекомендовали учение, составленное одним из основателей отечественного баптизма, Каргелем, затем социальное Евангелие Проханова, потом вероучение «Совета церквей». При этом поясняли, что существенных различий между ними нет, хотя на самом деле они, конечно, есть, и весьма существенные. Меня это сильно разочаровывало, так как, повторяю, приближался день моего «святого водного крещения», я должен был стать официальным членом церкви, но, по существу, ничего, кроме Библии и разрозненных толкований Евангелия, не знал.

Епишин, улавливая мое состояние, помогал мне «духовно возрастать» — вручал «духовные книжечки», знакомил с кем-либо из образованных, но тем не менее глубоко верующих «братьев». Однако книжечки меня совершенно не удовлетворяли, написаны они в расчете на верующего человека, чуждого сомнений. В них не приводилось ни одного слова бы богословского доказательства, и, откровенно говоря, они только усиливали разочарование.

Кстати, замечу, что от некоторых «духовных книжечек» попахивало явно антисоветским духом, и никакие ссылки на бога не могли скрыть истинных целей авторов — подорвать доверие верующих к существующему в нашей стране социалистическому строю. Я впервые столкнулся с такого рода «литературой» и не могу не отметить, что определенное влияние на молодых христиан она оказывает.

Что же касается образованных «братьев», то мне бы хотелось о некоторых из них рассказать подробнее. «Брат» Юра, например, после школы приехал в Москву, поступил в институт. Окончив один или два курса, неожиданно для своих родителей (отец — директор завода, мать — экономист) бросил институт. Его призвали в армию, и после службы по настоянию родителей он восстановился в институте. «Брат» Юра появился в церкви примерно в одно время со мной, и «покаялись» мы почти одновременно. В нем меня вначале привлекли внутренняя собранность, серьезность, немногословие, чем он сильно отличался от большинства других молодых «братьев». Постепенно мы сблизились, и он многое рассказал о себе. Родители — убежденные атеисты, младшая сестра, студентка медицинского института, тоже неверующая. Он впервые заинтересовался верой еще на первом курсе института — в частности, его, как он говорил, волновала «проблема святости», сначала в православии, а затем, спустя несколько лет, и в церквях евангельских христиан-баптистов. Он много читал богословской литературы, неплохо разбирается в иконописи, собирает записи духовной музыки, материалы, посвященные иконописи. Придя в церковь евангельских христиан-баптистов, Юра тем не менее продолжал посещать православную церковь, считая, что там обстановка более приближает к богу, к святости, а в молитвенном доме «слишком много суеты».

Окончание следует.

НЕПОДСУДНОЕ

В новосибирский корпус «Огонька» этот человек пришел неожиданно. Без звонка, без договоренности. Прежде чем закрыть за собой дверь, оглянулся. Сразу потребовал, чтобы беседа была с глазу на глаз, без свидетелей. «Конечно, вам все это покажется странным, но я хватаюсь за соломинку. Выслушайте...» И начал свой сбивчивый длинный рассказ. Или исповедь — не знаю, как точно определить.

Узенькие, тесные улочки, перепутавшиеся друг с другом, маленькие неказистые домики, сколоченные на скорую руку, — таким помнится один из районов Новосибирска, который в обиходе называли Каменкой. Люди строились здесь в трудные военные и послевоенные годы, было не до красоты — лишь бы крыша над головой. В одном из домиков, разделенном дымившей печкой на кухню и комнатку, в конце сороковых годов поселились муж и жена. Его звали Александром, ее — Ольгой. Поженились они совсем недавно, жили небогато. Но Александр не только работал на заводе, он еще учился заочно в институте, и поэтому планы на будущее были светлыми. И зарплату прибавят, и на квартиру есть надежда...

Через год на кухне и в комнатке запахло кипяченым молоком, на белье веревке сушились пеленки, а так как печка топилась плохо, то в углу подолгу работал самодельный электронагреватель. Но воздух от него становился сухим, и приходилось в комнатке всегда держать таз с водой. Все эти перемены, нетрудно догадаться, произошли потому, что появились дети. Двойняшки. Мальчик и девочка. Александр и Ольга. Так их решили назвать родители.

Болели ребятки часто. И старший Александр нередко шел

на работу невыспавшийся, злой. Дела с учебой в институте заходили в тупик, дети не давали серьезно заниматься. Денег не хватало. Приходилось крутиться, как белкам, в колесе многих неотложных дел. Стирки, купания, детский плач по ночам...

Между тем приближалась сессия. Окончание института было их общей мечтой, и хоронить они ее не собирались. Решили, что Александр по вечерам будет заниматься у знакомых, а Ольга с двойняшками как-нибудь выкрутится. Потерпит еще, потом будет легче. Теперь Александр приходил поздно вечером, спал, а утром топорился на работу. Однажды он не пришел. Не пришел на другой и на третий вечер. Они увиделись снова только в народном суде, где слушалось дело о разводе. «Я выдохся, — говорил на суде Александр, — нельзя же винить человека в том, что у него кончились силы». Ольга на все вопросы отвечала односложно: «да» или «нет». Лишь когда ее спросили, какие она претензии имеет к мужу, гордо вскинула голову: «Никаких. Он для меня не существует».

Как пишут в романах, шли годы. Подрастали младший Александр и младшая Ольга, на их имя регулярно приходили денежные переводы, но дети до поры до времени о них не знали, они были твердо убеждены, что их отец

погиб в аварии. А он между тем делал иногда попытки, чтобы оказать им еще какую-нибудь помощь, кроме алиментов, но жена, теперь уже бывшая, и слышать об этом не хотела. Тем более о просьбах хотя бы иногда приходить в гости. «У моих детей отца нет».

Отслужив в армии, младший Александр нашел себе подругу, и, как водится, играли свадьбу. В это время и зазвенел звонок в квартире. К тому времени старшая Ольга со своими детьми получила новое жилье.

Ольга Николаевна (будем теперь называть их по имени-отчеству, согласно возрасту) открыла дверь и замерла. На площадке стоял Александр Васильевич, в руках он держал большую коробку, перевязанную алой ленточкой. Он давно окончил институт, давно ушел с завода и занимал немалую руководящую должность, получал приличный оклад, и, когда случайно узнал о свадьбе сына, у него нашлись деньги для дорогого подарка. Но Ольга Николаевна заявила, что предателя она в свой дом не пустит. Тогда Александр Васильевич не удержался, сказал, что он материально помогал ей растить детей, что он не бегал, как другие, от алиментов. Ольга Николаевна засмеялась. Попросила подождать на площадке, ушла и скоро вернулась. В руке у нее была сберегательная книжка. На нее она переводила все деньги, которые от него получала. Бросила книжку на коробку, перевязанную алой лентой. «Я знала, — усмехнулась она, — что ты об этих деньгах напомнишь. Вот они, все до копейки, а теперь уходи». И закрыла дверь.

После этого случая Александр Васильевич несколько раз встречался со своими детьми, но встречи отдавали ледяным холодом.

Что сделалось с моим посетителем после этого рассказа? Час назад вошел пожилой, но еще бодрый человек, теперь сидел глубокий старик с красными, заплаканными глазами. Нервно трясущимися руками он все шарил и шарил по пустому столу, словно хотел что-то найти. Не находил, горбил и сильнее склонял крупную седую голову. Я почему-то сразу поверил, что все рассказанное — правда.

— Извините, помолчу. Успокойся. — Александр Васильевич убрал со стола руни и положил их на колени. Оказывается, он только подходил к главному в своем рассказе.

— Теперь я на пенсии. Живу один. Вы понимаете, что это такое — живу один? Нет, я не требую от детей денег, какой-то материальной помощи, деньгами я им сам могу помочь. Дети мне нужны, внуки... Слово хоть услышать доброе, поговорить хоть с кем-то. Я ведь, знаете, с телевизором иногда разговариваю. Включу — и разговариваю. Конечно, вины своей не снимаю. Виноват перед детьми, перед Ольгой. Но ведь прощать тоже должны. Мне ведь немного осталось... совсем немного. Хоть бы раз в неделю приходили! Может, вы напишете про это мое одиночество, может, они поймут? Я им прочитаю. Наверно, не вижу выхода, жить-то осталось всего ничего. Напишите? Только без фамилий, пожалуйста. Или сходите к ним, поговорите?

Он с надеждой и с затанной опаской ждал ответа. Я пообещал, что схожу к его детям.

В многоэтажной стеклянной коробке отыскал нужный кабинет. И когда вошел, сразу узнал младшего Александра, очень уж он походил на своего отца. Разговор долго не ладился, потому что в кабинете то и дело трещали звонки, заходили люди. Александр, смущенно улыбаясь, попросил подождать. Подумал и добавил:

— Мы лучше у меня дома поговорим. Ольга придет. А то я с мыслями никак не соберусь.

До конца работы оставалось еще полчаса, и я, присев в уголке, внимательно наблюдал за Александром, невольно поражаюсь схожести многих его жестов с отцовскими. Они удивительно похожи, даже в мелочах поведения.

— Значит, он прямо к вам и пришел? — спросил Александр, когда мы уже вышли на улицу. — Да... А где же он был раньше?

И в последней фразе прозвучала неприкрытая обида.

В квартире Александра нас уже ждала Ольга. И вот мы сидим за полными чашками остывшего чая — не до него! — и тянем, как на веревках, тяжелый, трудный разговор. Если Александр пытался говорить спокойно, то Ольге это не удавалось, она то и дело смахивала украдкой слезы, когда бросала взгляд на стену. Там висел портрет Ольги Николаевны. Пожилая женщина с большими печальными глазами устало смотрела на нас с портрета. Так смотрят после долгой, нелегкой работы. Несколько лет назад Ольга Николаевна ушла из жизни.

— Пацанов моих в школу проводила утром, — рассказывает

В Москве, в недавно отреставрированном о м памятнике древнерусского зодчества, Крутицком подворье, открылась выставка московских художников «Отечество», организованная Центральным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и посвященная пропаганде нашего историко-культурного наследия. Выступившие на открытии выставки лауреат премии Ленинского комсомола, народный художник РСФСР А. М. Шилов, кандидат исторических наук Ю. А. Беляев и другие отметили ее общественно-воспитательное значение и высокий профессиональный уровень работ ее участников.

31

Елена Белова — слава белорусских фехтовальщиков.

Заслуженный тренер БССР В. И. Неверович и его питомцы.

Юные Д'Артаньяны.

СКРЕСТИМ ДРУЖ

Фото А. БОЧИНИНА

Дуэли, дуэли... С утра до вечера звенит клинками зал. Сражаются отважно и жаростно. Пусть все это учебные поединки, тренировки, но в фехтовальном зале минского спортивного комплекса «Динамо» подерживается настоящий боевой дух. Живет он романтикой самого фехтования и замечательными традициями белорусских рапиристов, шпажистов, саблистов, традициями, которые здесь умеют беречь, а главное, развивать и приумножать.

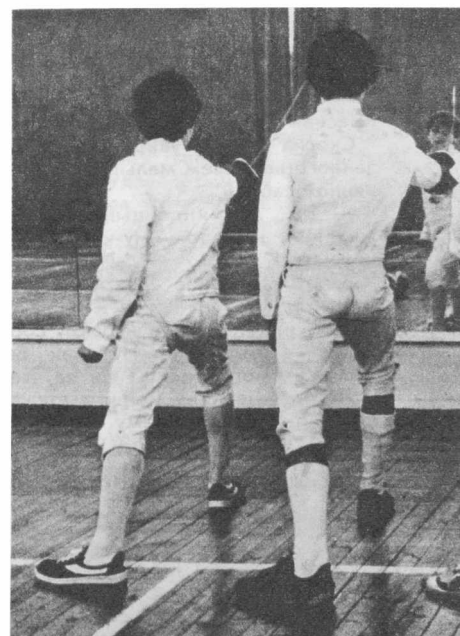
...Лариса Петровна Бокун и Герман Матвеевич Бокун. Прекрасные спортсмены, на редкость одаренные тренеры. Евгений Тимофеевич Андреев, Константин Трофимович Булочкин, Эрнест Владимирович Асиевский... Сколько побед на фехтовальных дорожках мира, Европы, страны связано с их именами! Ведь почти со всех Олимпийских игр белорусские фехтовальщики возвращались с медалями. А сколько «драгоценного металла» добыто на чемпионатах! И за всеми триумфами — самоотверженный труд тренеров. Их опыт, их мысль, их преданность делу.

В истории нашего спорта остались имена Елены Беловой и Татьяны Сомусенко, Арнольда Чернушевича, Алексея Никанчикова, Александра Романькова — воспитанников славного динамовского коллектива. Закономерно, что, заканчивая выступать, мастера не убирают «шпаги в ножны», становятся тренерами, воспитателями. И разве не символично, что Арнольд Петрович Чернушевич, первым из белорусских фехтовальщиков вернувшийся призером с первенства мира, учит нынче ребят мастерству?

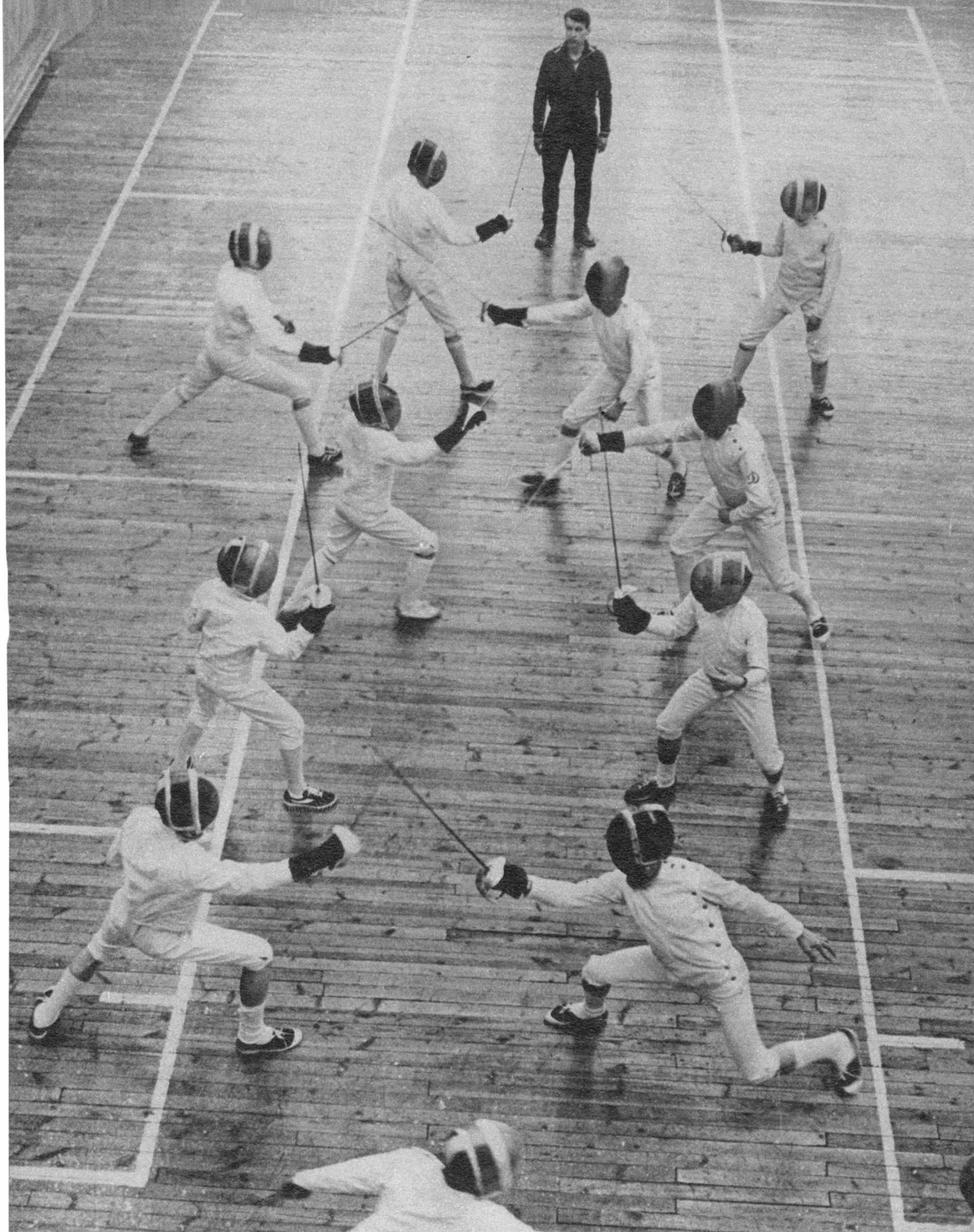
Около четырехсот человек занимается сейчас в динамовской фехтовальной школе олимпийского резерва. Надо много работать, хорошо успевать в общеобразовательной школе (тренеры постоянно требуют: «Покажи дневник») — тогда придут победы. К юным динамовцам они приходят. На недавней спартакиаде Белорусской ССР по фехтованию они заняли первое место. С именами Оксаны Огнянниковой и Володи Грецкого связывают большие надежды. Надо полагать, поддержат славу своих родителей, известных фехтовальщиков, Вова Никанчиков, Юра Конюхов, Витя Неверович. А пока... С утра и до вечера кипят страстями фехтовальные дорожки в динамовском зале.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

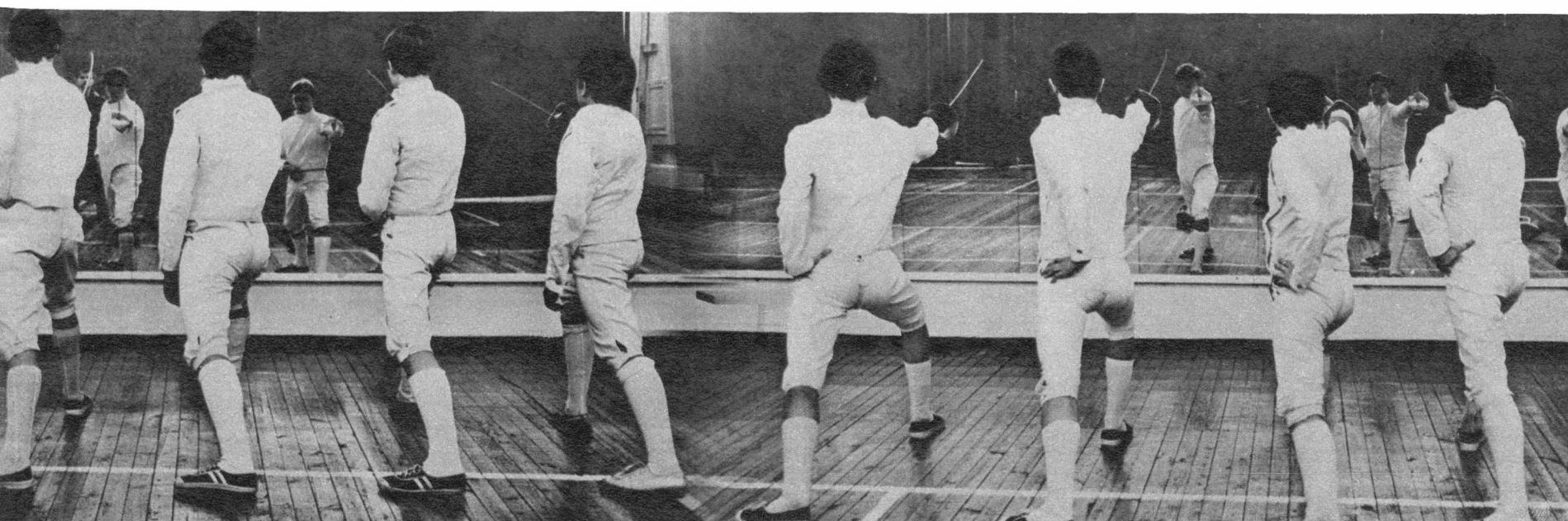

Звонят клинки.

ЕСКИЕ ШПАГИ

На тренировке.

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131-0097

